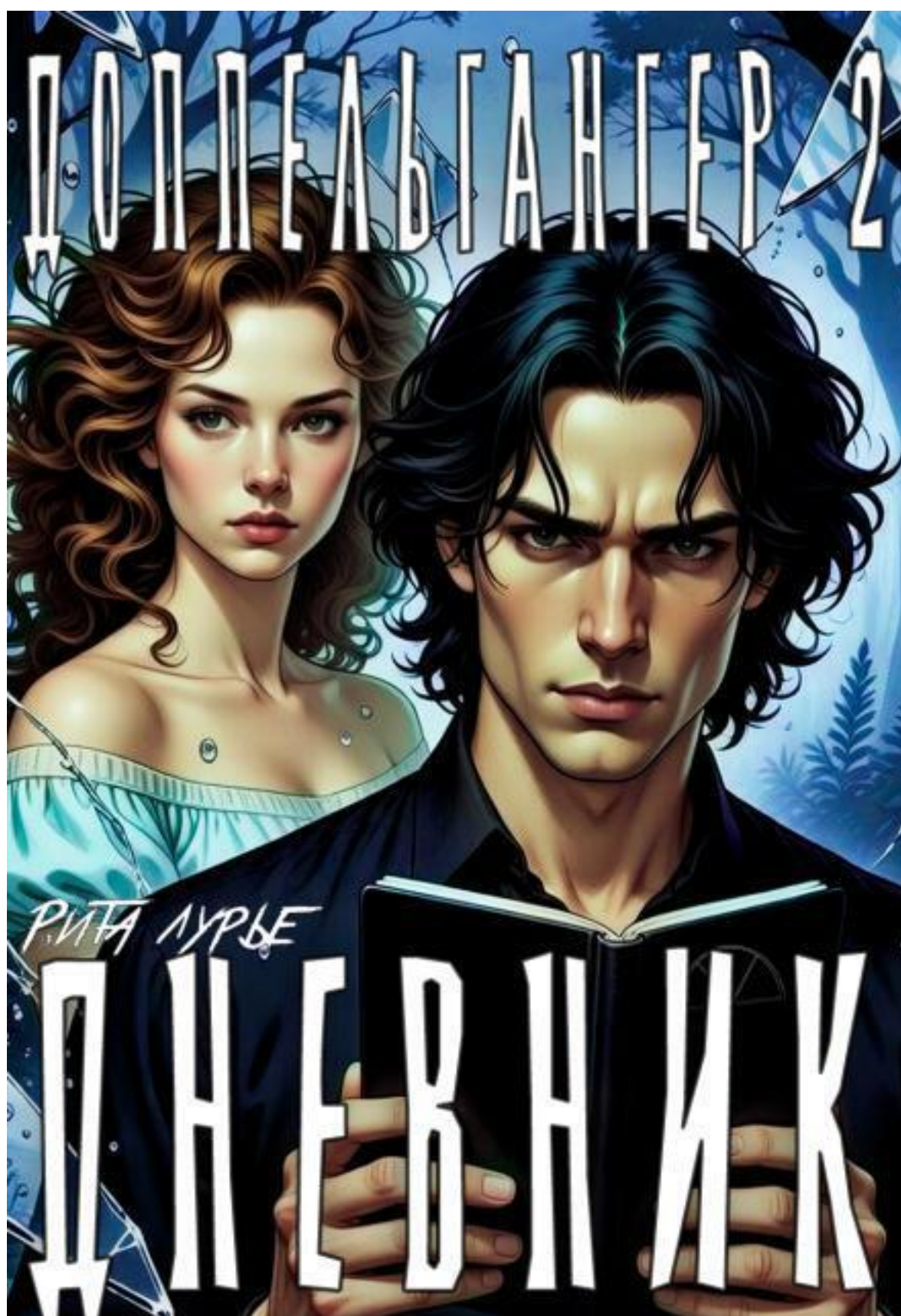

Рита Лурье

Дневник

«Литнет»

2025

Лурье Р.

Дневник / Р. Лурье — «Литнет», 2025

Амбициозный колдун ищет дорогу в измерение, где его возлюбленная не умерла, чтобы быть с ней вместе вопреки всему. Что сильнее — любовь или законы мироздания? Итан Уокер достаточно дерзок, чтобы это узнать, ведь ему, сыну Верховной ведьмы Салема и наследнику древней магической династии, пророчили великую судьбу. Но Итану не нужны власть и могущество, только она — соседская девчонка Джудит Дэвис, его единственный друг, его любовь. Когда Джудит погибает, Итан начинает опасные магические эксперименты с зеркалами-порталами, чтобы отыскать мир, в котором девушка осталась жива. Ради любви он готов пожертвовать всем. Лишь тетрадь, в которой Итан описывает свои искания, станет путеводной нитью, ведущей сквозь лабиринт отражений. Куда приведёт этот путь? К Джудит Дэвис? Или во тьму? Первая часть трилогии: «Заклучительная часть трилогии:» «Доппельгангер» - три мира, три книги - одна история.

© Лурье Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Записка на форзаце	5
2002	6
2003	21
2004	35
2005	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Записка на форзаце

Если ты это читаешь, значит, я мёртв.
Пожалуйста, уничтожь эту тетрадь.
25 января 2012 года.

2002

28 февраля 2002.

Сегодня нашёл в коробке на чердаке альбом, а в нём была старая фотография. Лорна... мама, ещё совсем молодая, а рядом с ней какой-то незнакомый мужик. Вот в чём дело: мы с ним, с этим мужиком, очень похожи, просто одно лицо. Ну и ну!

Я показал фотографию ей, а она меня ударила.

Она сказала:

«Не лезь не в своё дело».

«Это моё дело. Это касается меня непосредственно. Кто он?»

«Хорошо, Итан. Если тебе станет от этого легче, твой отец. Биологический отец».

«Я не тупой, догадался, спасибо. Он жив? Имя, адрес. Я хочу знать всё».

«Тебе не нужно этого знать».

Лорна ужасно разгневалась — она же корчит из себя святошу, а я предъявил ей доказательство, что она просто лгунья. Зла на неё не хватает! Захотелось это записать, рассказать то всё равно некому.

Отца Натаниэля давно нет, и я его совсем не помню, но он, вроде как, был неплохим малым. Почему-то мне стало чудовищно стыдно перед ним — будто я тоже его обманывал, называя отцом, хотя я-то понятия не имел, что это ложь. Лорне вот совсем не стыдно.

Ненавижу её. Лучше бы тогда умерла она, а не он. У меня была бы нормальная жизнь, ведь он не был одним из нас.

2 июня 2002.

Хорошо, что вспомнил про эту тетрадь, хоть запишу. Трудно, конечно, такое писать...

Дело было так:

День выдался славный, и я пошёл на остров, но посидеть там спокойно мне не удалось. Притащилась какая-то мелюзга — странно, думаю, я раньше её нигде здесь не видел. Оказывается, эта Джудит — та самая сиротка, которую недавно удочерила наша соседка, миссис Дэвис. Я чуть сдуру не ляпнул: «Ах, так ты приёмная!» — но всё равно сморозил что-то в подобном духе, пусть и менее резкое. Из вежливости пригласил к нам и дал девочке яблоко, чтобы отстала, а она... уронила его в реку и плюхнулась туда сама. Я пытался её выловить, но девочка пропала. Только и видел, как она мелькнула в воде, и всё...

Мама устроила допрос, почему это я вернулся домой мокрый до нитки, и, ожидаемо, осудила меня за порыв «погеройствовать». Плавать-то я не умею — и сам мог утонуть. А то я не знаю! Воды я нахлебался изрядно.

Я бы не стал говорить Лорне всё, как есть, но надеялся, что она что-то слышала про девочку, может, её вынесло на берег дальше по течению.

«Нет, милый, но её обязательно найдут, не волнуйся...»

«А если она утонула?».

«Дети часто тонут, ничего не поделаешь».

Мама, как всегда, в своём репертуаре. Я не успел даже возмутиться её цинизму, когда она снова заговорила:

«Так там были только вы двое? Вас кто-нибудь видел?»

«Какое это имеет значение?»

«Ответь на вопрос, Итан».

«Только мы».

«Хорошо».

Лорна *посоветовала* помалкивать о том, что случилось. «Нам не нужны проблемы и лишнее внимание». В тюрьму меня, конечно, никто не посадит, но соседи будут коситься и выдумывать всякие небывлицы.

Вот, что маму волнует: что подумают соседи. Ей плевать, что девочка погибла по моей вине.

Я не смог её спасти.

4 июня 2002.

Три дня ничего не было слышно. Я просматривал все газеты, пока в одной из них не мелькнула заметка, но я и без неё уже догадался, что девочку нашли. Нашли мёртвой, как я и предполагал.

Я видел на улице миссис Дэвис. У неё было красное и заплаканное лицо. Она поспешила скрыться за забором, даже не поздоровавшись.

Она не знает, что я к этому причастен. Никто не знает, кроме мамы. А она тем временем сделала свой ход:

«Его зовут Шейн, но он живёт далеко отсюда».

«О чём ты, чёрт возьми? Сегодня нашли тело девочки, она...»

«Прекрати сквернословить, Итан. О твоём отце. Ты же хотел знать, кто он. Я могу связаться с ним и устроить вашу встречу».

Вот тогда я и разбил то долбанное окно, так вышел из себя. Мама тут же ухватила меня за горло и потребовала:

«Научись держать себя в руках! Хочешь сдохнуть?».

«Хочу, чтобы ты прекратила это! Девочка погибла. По моей вине! Тебе плевать?»

Она меня снова ударила. В воспитательных целях, разумеется. Она сказала:

«Если ты не топил её собственноручно, то в этом нет твоей вины. Я люблю тебя и забочусь о тебе. **Ты знаешь правила**».

Нет, не любишь. Ты, наверное, понятия не имеешь, как это. Я тоже.

7 июня 2002.

Она сказала, что мне нельзя ходить на похороны. Так и сказала «нельзя» – в крайне категоричной форме, конечно, тут же объяснив это беспокойством о моём состоянии. Хотя я знаю, что причина в другом: моё появление там было бы странным. Мама общается с соседями, а я их всячески избегаю. С чего это вдруг я решил выразить сочувствие?

После долгих препирательств я всё-таки потащился на кладбище. Было очень мерзко: не прекращая, шёл дождь. Жалко маму девчонки, да так сильно, что я не решился подойти к ней, чтобы что-то сказать. И что бы я сказал?

«Простите, что не спас вашу дочь».

«Стыдно в этом признаться, но я не умею плавать».

«Вообще-то это я дал ей яблоко...»

«Всё это из-за меня».

Не понимаю, как такие вещи вообще говорят людям.

Миссис Дэвис даже не плакала, а стояла такая окаменевшая. В руках у неё были какие-то странные цветы, похожие на колокольчики, хотя обычно на похороны приносят каллы или зловонные лилии.

Но я тоже притащил эти цветы, они продавались у кладбища. Я взял первое, что попало, подумал, что так будет правильно. Потом почитал про них: *hyacinthus* – по-гречески «цветок дождя». Есть ещё версия о «цветке печали» и грустная, но идиотская древнегреческая легенда.

Народу было мало, только миссис Дэвис и кое-какие её друзья. Её муж давно умер. Я слышал, что он был мудаком – крепко пил и поколачивал жену. Город маленький, все это знают.

Миссис Дэвис вела одинокую жизнь, а в конце весны удочерила эту Джудит. Девочка и месяца с ней не прожила. Это просто ужасно.

Лучше бы утонул я, а не эта малявка.

Лорна бы так не убивалась.

9 июня 2002.

Мама вдруг уверовала в силу психотерапии и вытолкала меня на сеанс к мозгоправу. Я уступил. Подумал, может, будет толк и меня наконец-то отпустит.

Чёрта с два. Психотерапевт весь час повторяла:

«В случившемся нет твоей вины. Мы не должны чувствовать себя виноватыми, если не сделали чего-то намерено».

Да пошла ты. Пошли вы все. Больше к ней ни ногой. Лучше буду дальше тут что-то писать. Так немного, но легче.

Как там было?

Dixi et animam levavi.

Интересно, надолго меня хватит, прежде чем я заброшу это дело?

11 июня 2002.

Лорна... Мама, наверное, и правда хочет помочь. Старается. Признала тщетность походов к психотерапевту, потому завела речь о поездке в Новый Орлеан к Луизе.

«Вы могли бы заодно повидаться с Мелиссой».

А её чокнутую мамашу ты спросила, что она об этом думает?

«Нет, спасибо».

Тогда в ход пошла тяжёлая артиллерия: хочешь отца, получай. Прислуга весь день носилась по дому, наводила красоту и готовила, словно к нам собралась нагрянуть британская королева, а не мужик из Лос-Анджелеса с перегаром и щетиной на помятой роже.

Вау.

Шейн совершенно не вписывался в чинно-благородную обстановку особняка. Подле мамы с её аристократическими манерами он и вовсе казался бездомным бродягой на благотворительной кормёжке.

Я весь ужин смотрел на него и не мог понять, что она в нём когда-то нашла.

Почему изменила с ним... отцу?

Я запутался, кого из них теперь так звать. Покойного Натаниэля Уокера или Шейна. Они очень разные. У мамы с ним ничего общего. Ясное дело, что она не вышла бы за него замуж. Он работает в Голливуде и гребёт бабло лопатой, но в нашей семье всегда ценили «старые деньги», а не выскочек без родословной. Вот зачем она с ним спуталась? Вряд ли от большой любви. Чувства? У неё? Да она чёртов робот! Для неё важен только пресловутый «долг».

Они довольно мило общались, а я не понимал, о чём с ним говорить. Вяло отвечал на его расспросы о том, чем я увлекаюсь, как живу, куда хочу идти учиться, кем хочу стать в будущем.

У меня ответы на эти вопросы заготовлены заранее. Лорна буквально вбила их мне в голову: типа я усиленно готовлюсь к поступлению в Гарвард.

Шейн – простой человек. Для них у нас своя «легенда». Им нельзя знать, кто мы на самом деле, какая роль у Уокеров на севере. Как и о том, что я убийца. Ведь я угробил соседскую девчонку.

Шейн приглашал к нему в Калифорнию. Мама скривилась, но всё-таки поблагодарила. Она точно никуда не поедет. Я сказал, что подумаю. Но сдалось оно мне?

Когда он уехал, она спросила:

«Теперь ты доволен?»

«Я, чёрт возьми, счастлив».

14 июня 2002.

А тут начинается самое интересное.

Не знаю, почему я снова туда потащился. Даже думать не мог про это место, старательно игнорировал его существование.

Я опять пошёл на остров посмотреть на эту сраную реку. Как же я ненавижу воду, боже. От одного её вида так мерзко на душе, что хоть в Данверсе топись. Не понимаю, какого чёрта здесь столько этих поганных водоёмов, холодных, грязных и омерзительных.

Пока я там ошивался, что-то зашуршало в кустах. Я думал, что сюда забрела чья-нибудь собака. Не дай бог ещё кто из соседей, но...

Передо мной стояла она, девчонка, которую неделю назад закопали в землю. Стояла и пялилась на меня своими большими тёмными глазами.

Джудит Дэвис.

Она сказала:

«Ничего, что я снова пришла? Мне тут понравилось».

Понравилось ей. От шока глупости сами собой полезли у меня изо рта:

«Я не против. Приходи, если хочешь. Ты мне не мешаешь».

«Но... вы же сказали... что это ваш остров».

«Считай, что он и твой тоже».

И тут уже не разберёшь в чём дело: то ли крыша у меня окончательно поехала, то ли это какая-то магическая тварь решила меня закошмарить.

Я проторчал там какое-то время, вообще не понимая, что говорить, что делать с этим явлением, а потом свалил домой.

23 июня 2002.

Она опять там была.

В этот раз я подготовился, пролистал книжки о всевозможных вредных сущностях, взял связку чеснока, соль и кучу разной другой дряни, которую не любят мерзкие паразиты. Все запястья исчеркал защитными рунами.

Но девчонка вела себя мирно, тихо сидела рядом, агрессию проявлять не пыталась.

Я незаметно потрогал её за руку – тёплая, не прозрачная. На призрака не похожа, да и я в них не верю. Лорна говорит, что их нет.

Что это означает?

Надо ли рассказать маме или она сдаст меня в сумасшедший дом?

30 июня 2002.

Я совершил преступление века. Мэл бы оценила.

Вломиться в архив и стащить копию протокола вскрытия – сделано.

Следующий пункт в моём идиотском списке – раскопать могилу, убедиться, что гроб не был пустым. Вдруг эта мелкая засранка выбралась оттуда, чтобы превратить мою жизнь в ад? Опоздала.

Это ненормально, но уже стало традицией. Я прихожу, а она болтается где-то поблизости.

Мама, ты права. Я, видимо, спятил.

5 июля 2002.

Я придумал кое-что получше расхищения детской могилки. Этот пункт не вычеркиваем совсем, но отложим.

Для начала нужно убедиться, что я не один её вижу.

Но пришлось иметь неудобный, очень неловкий разговор с Лорной.

«Я кое-кого приведу домой. Пожалуйста, води себя *адекватно*».

«На что это ты намекаешь, Итан?»

«Просто... *прошу тебя*, ничего не предпринимай, сделай вид, что так и надо. Я потом тебе всё объясню».

«К чему такая секретность? Это девочка? Из школы? Ты забыл, кто...»

Я догадывался, что любое продолжение будет ужасным, потому сбежал.

Джудит была у реки. Я напомнил ей о приглашении посетить наш дом, и она очень обрадовалась. Немудрено. Сраный особняк – местная достопримечательность. Все соседи спят и видят, как бы вдоволь по нему пошнырять.

Девчонка легко вышла за пределы острова. Значит, она может появляться не только там. Я выбросил кое-что из перечня – магический сброд, что любит болтаться у рек, и привязан к ним территориально.

Может, в наших книгах чего-то нет? Надо как-то связаться с Мэл. Она может знать больше.

Лорна при виде девчонки сама едва не откинулась. Таращилась на неё во все глаза, но сдержалась. Не поджарила её на месте. Вела себя как гостеприимная хозяйка, а не как чёртова психопатка. (Как обычно).

Напоила Джудит чаем, принесла какие-то сладости. Посидела за столом с кислым видом, болтая на отвлечённые темы.

Девчонка ест человеческую еду. Не только мои нервные клетки.

Уходя, она не пошла через ворота, а потащилась обратно на остров. Выходит, её передвижения всё-таки ограничены берегом реки. Только это ничего не проясняет.

Я признался Лорне, что наблюдаю эту, вроде как, мёртвую девочку на острове. Мама глубоко задумалась. Повела, что ей это не нравится. Ну что ещё она могла сказать?

Мне тоже, чёрт возьми. Её выводы меня ещё больше напрягли:

«Кажется, она человек, но я чувствую магию. И эта магия мне незнакома...»

«Но ты же тоже её видела, да?»

Глупый вопрос.

На столе ещё стояла опустевшая чашка.

«Итан, ты...» – Лорна начала, но умолкла. Долго молчала. Это было очень поганое молчание. Она так и не закончила свою мысль. Она явно что-то затевает.

6 июля 2002.

Да, я был прав. Мама себе что-то придумала, но, конечно, не стала делиться со мной. Наверное, решила обратиться к кому-то за советом. Потому к нам и нагрянула Луиза Ришар. Не просто так она вдруг появилась.

Я чуть богу душу не отдал (если уместно употреблять это выражение, учитывая, кто мы...). Наткнулся на Луизу вечером в своей комнате. Она стояла у шкафа и пялилась на зеркало. Извинилась за вторжение в «личное пространство», но не потрудились объяснить, какого чёрта ей тут надо. Загадочная, как всегда. И красивая настолько, что зубы сводит.

Якобы просто приехала в гости, но что-то тут нечисто.

Зачем ей зеркало? Она не видит своего отражения. Она же чёртова вампирша!

Типа она просто соскучилась по Лорне, по нам, ага. Они с мамой считаются подругами, в этом есть какая-то доля правды. Когда умер... отец Натаниэль, только Луиза и приехала поддержать маму. Даже не северные ведьмы, только она. Они всю ночь сидели в гостиной. Лорна хлестала вино, Луиза какую-то дрянь из своей фляжки, скорее всего, кровь.

Этой ночью они вдвоём пошли к реке, я видел их из окна. Что-то там разнохивали, их долго не было. Но они ничего не найдут. Джудит приходит только днём, я проверял. Одна из гипотез... Не важно.

Я в кои то веки не думал о ней, о том, что случилось. Моими мыслями завладела Луиза. С этим, конечно, давно пора заканчивать. Но она выглядит, как моя ровесница... У неё такие красивые волосы. Девчонки в школе и рядом не стояли. Хотя они... живые и тёплые, в отличие от неё.

Хорошо, что Луиза не телепат. Ей бы не понравилось, что я о ней думаю.

9 июля 2002.

Они больше не ходили на остров. Луиза всю ночь бродила по саду с кассетным плеером, курила свои вонючие сигареты, трогала цветы и пялилась на луну. Она заметила, что я слежу, но не рассердилась. Когда я спросил про зеркало, сказала какую-то пространную чушь. Не всегда понимаю, что она имеет в виду.

За час до рассвета она исчезла.

Утром пытал маму, что там за дела с зеркалами. Она, конечно, увильнула от ответа. Мол, Луиза просто любит зеркала. Не видит своего отражения, оттого они ей и интересны. Бред. Они точно что-то скрывают. И это связано с появлением Джудит.

Зеркала... Мэл как-то говорила, что вампиров якобы призывали персидские маги из какого-то другого мира с помощью зеркала. Чушь. Мэл в это не верит. Я тоже.

А может и не чушь...

2 августа 2002.

«Мне это не нравится» – заявила мама, спалив, что я снова собираюсь на реку.

Ещё бы ей нравилось.

«Зачем ты туда ходишь?»

«Хочу и хожу!»

Спросила, видел ли я ещё «эту девочку». Я сказал, что нет, не видел. Исчезла. И не знаю, что это было.

Я не поехал в Новый Орлеан, не поехал к новообретенному папочке, хотя он настаивал. Лорна внезапно поддержала эту идею. Сказала, что не против нашего общения, а мне пошло бы на пользу проветрить голову, сменить обстановку. В Калифорнии, говорят, хорошо, не такой мерзостный климат. И не воняет болотами, как в Луизиане.

Маму бесит Шейн, это понятно. Мне он тоже не понравился, хотя и интересно узнать его получше, всё-таки... Но она хитрая, как все ведьмы. Пыталась переключить моё внимание.

Но я не могу думать ни о чём другом.

Уже месяц болтаюсь здесь, хожу на остров к мёртвой девчонке.

Я должен во всем разобраться. У меня даже появились кое-какие соображения, но это странные мысли.

Очень странные мысли.

5 августа 2002.

Всё это время я аккуратно расспрашивал Джудит о её жизни.

Ненавижу детей, не умею с ними общаться, но приходится. Трудно, конечно, фильтровать свою речь, не быть с ней грубым, даже когда она выводит меня из себя.

Вот, что удалось узнать: девчонка не помнит, чтобы падала в реку, чтобы тонула. В её рассказах фигурирует миссис Дэвис, которая, вроде как, без понятия, что её дочь мертва. Они даже ездили к каким-то родственникам в Провиденс, потом эти родственники посещали их здесь. Но тут загвоздка...

Сэнди Дэвис куда-то уехала. Я не видел её с похорон. У дома уже месяц стоит табличка «продаётся», но пока нет желающих его купить. Всех отпугивают долбаные сплетни. В этом доме сдох муж миссис Дэвис, а теперь на неё, бедную, вешают ещё и смерть девчонки. Но разве этим идиотам что-то объяснишь... им бы только злословить и фантазировать.

У Джудит совсем другая версия событий. Она сказала, что «мама Сэнди» пристроила её в школу, где работает сама. Я проверил, там не числится ученица с таким именем, а сама миссис Дэвис уволилась.

Джудит мертва. Я осмотрел могилу, хотя вскрывать не решился.

Я не сказал ей об этом. Это жутко. Даже в голове звучит по-идиотски.

«Знаешь, мелкая... ты говоришь чушь. Ты, вообще-то, утонула».

У меня есть подозрение... такое бредовое, безумное, но пока другой версии нет.

Джудит приходит из какого-то другого места мира.

Но... как это возможно?

15 августа 2002.

Долго не мог решиться, но всё-таки это сделал. Спросил, могу ли я прогуляться вместе с Джудит до её дома. Мне нужно было проверить, смогу ли я попасть туда, откуда она приходит.

Она надулась:

«Не называйте меня Джудит. Мне это не нравится».

«Хорошо, но тогда не говори мне «вы». Я же не дед какой-то».

«Дед. Я думала, что столько вообще не живут!»

Забавно.

Я шёл за ней через заросли, но вдруг потерял из виду. Минуту назад была – и вот нет. Пропала, как чёртов Чеширский кот.

Я вышел на улицу, Джудит и след простыл. Дом миссис Дэвис по-прежнему пуст.

Выходит, что мне туда нельзя. Туда, откуда появляется девчонка.

25 августа 2002.

В особняке навалом магических книжек, не меньше, чем в библиотеке сестёр Юга.

Мерсеры, Аллены, потом Уокеры – наши предки зачем-то собирали всё это пыльное, древнее дерьмо; всё, что имеет хоть какое-то отношение к колдовству, даже те, кто был простыми людьми, не посвящёнными во всякие такие делишки.

Моё тупое наследство, как и этот уродский дом, как и Ковен Салема.

Увы, всё эти фолианты – бесполезный мусор. В них ничего не нашлось. Зачем они вообще нужны? Какой прок от средневековых снадобий, ингредиенты для которых уже не достать? Заклинания... язык сломаешь, даже если с малолетства штудировать латынь. Энциклопедии мистических тварей куда менее информативны, чем интернет.

К слову, в интернете и разных человеческих книжках намного больше толковой информации, чем во всем этом устаревшем барахле.

Неудивительно, что магическое сообщество застряло в средневековье. Тут Мэл права: мне повезло расти среди обычных людей, а не в их замшелом Ковене, как ей, без малейших благ цивилизации.

Будущее за нами, такими, как я, кто одарен магией, но может овладеть и другими сферами знаний, вроде квантовой физики или теории вероятности.

Есть версия, что наш мир не единственный. Возможно, существуют другие реальности, очень похожие между собой. Они где-то пересекаются или берут начало из одной точки.

Допустим, эта точка – тот день на острове, второе июня, когда Джуди свалилась в реку, а я полез её вытаскивать. У этого могли быть разные варианты исхода. Четыре варианта, как минимум. Или больше. Пока я набросал такие:

Первый: Я не смог её спасти и она погибла. (Наш мир)

Второй: Она выжила, но, скорее всего, погиб я. (Её мир?)

Третий: Мы оба выжили. (Или это её мир?)

Четвертый: Мы оба погибли. (И слава Богу!)

Пока я не придумал, как проверить эту гипотезу. Джуди ничего не упоминала о другом... Итане. (Как же странно это писать!) Расспрашивать её не стоит, слишком подозрительно. Я боюсь её спугнуть, вдруг совсем перестанет приходить.

Короче, тот Итан то ли жив, то ли мёртв, как кот Шредингера. Его судьбу ещё предстоит выяснить.

Для этого мне надо попасть туда, на другую сторону, в мир Джуди, разобраться, как там всё устроено. Но я не могу. Не знаю, как она это делает. Наверное, прореха между измерениями слишком маленькая и пробраться в неё может только ребёнок. Или... или. Или у неё есть какие-то «особые» способности, да не спросишь. Как бы разнюхать, кто её биологические

родители, чтобы их найти. Может им что известно. Её мать... Магия всегда наследуется. Из ниоткуда она не берётся, кто-то из родителей должен иметь предрасположенность.

Как же много вопросов!

И некому их задать.

8 сентября 2002

Наступила осень. Я убил всё лето на своё «расследование» и праздное шатание на острове с мелкой пигалицей.

Я привык к Джуди, она меня уже не бесит. На самом деле довольно забавная девчонка. Ершистая, неглупая, даже для своих лет. Неуклюжая, как пингвин, постоянно обо что-то спотыкается на ровном месте. Неудивительно, что она свалилась в реку. А ещё она умеет молчать, когда нужно – вот это плюс. Как-то чувствует, если я не в настроении с ней болтать. Всегда. Иногда просто сидит рядом, смотрит на реку.

Я всё думал, как бы сделать наблюдение за ней более продуктивным, да не помереть на острове от тоски и неловкости. Потому искал в нашей библиотеке книги, хоть немного пригодные для первоклашки.

Древнегреческие мифы ей понравились, слушала очень внимательно. От скандинавских и египетских как-то загрустила, так что я решил их больше не приносить. Они мне тоже не нравятся, слишком путанные, в античности больше логики... но не всегда.

Вообще... это довольно странно, что Джуди продолжает таскаться сюда. Из своего мира или откуда там.

Ей заняться, что ли, нечем? Чем там увлекаются нормальные дети?

Плохо себе представляю. В семь лет Лорна начала обучать меня азам колдовства. Отец Натаниэль тогда уже умер, перестал путаться у неё под ногами, можно было не таиться. Натаниэль был из нашей семьи, маминым дальним родственником, но в дела Ковена его не посвящали. Он не унаследовал магию, ведь она всегда передается по женской линии.

Я – исключение, чем Лорна очень гордится. Вечно талдычит про «избранность» и «большое будущее». До меня в нашей семье был только один колдун – ублюдок Иеремия Мерсер, основатель рода. Он свидетельствовал на процессах, прикидываясь праведным пуританином, наговорил на многих невинных, а потом грохнул свою жену. Одним словом: образец для подражания. Неприятно иметь что-то общее с таким мудаком.

Увы, это не секрет, а часть нашей истории.

Как же я ненавижу эту историю!

Я это не выбирал. Спасибо, не надо. Хочу нормальную жизнь без идиотских предрассудков и традиций. Но кто меня спрашивает? Тащить на себе этот груз – не привилегия, а обязанность. Отступать некуда – я уже в курсе. Захочу сбежать, меня найдут и убьют. Другого выхода из этой долбанной секты нет. Только вперед ногами.

Я даже рад вернуться в школу. Хотя она меня ужасно бесит, там я могу прикидываться обычным. Но смысл? С этими богатенькими уродцами нас ничего не связывает, не знаю, о чём с ними говорить. У них сейчас только и разговоров, кто с кем потрахался за лето, кому купили тачку и кто куда ездил отдыхать – на Гавайи или в Европу. Меня считают ботаником и книжным червём, но не трогают, и ладно. Всё равно нельзя заводить друзей. Да и больно то надо.

Мэл говорит, что я не ценю своего счастья. Она завидует. Поди сидит в своём «монастыре» и грезит, как бы тискаться с капитаном футбольной команды. Воображает себе невесть что, не знаю, где она этого понабралась.

Лучше так, чем жить на два мира.

18 сентября 2002.

Лорна устроила знатную истерику, когда заметила, что я опять собираюсь на реку.

«Я думала, что у тебя прошло».

Что прошло, чёрт возьми?

Чувство вины?

Я сдержался. Заверил, что просто люблю туда ходить, чтобы посидеть с книгой, о чём ей прекрасно известно. Даже после того, что там случилось в июне. Да и в саду как раз поспели яблоки «Грин делишес».

«Во-первых, ты испортишь зубы своими дурацкими яблоками. Во-вторых, уже холодно и ты можешь простудиться. В-третьих – она снова там?»

«Кто «она»?»

«Ты знаешь, о ком я».

Нет, не знаю. Да, была какая-то девочка, но всё уже закончилось. Отцепись. Оставь меня в покое. Мне нужно идти. Джуди будет меня ждать, сегодня и правда похолодало. Не хватало ей простудиться и умереть... снова.

Я этого не говорил. Джуди – мой секрет. Лорна до неё не доберется. Она не помешает мне разгадать тайну появления девчонки, раз не хочет помочь.

Лорна сама же пророчит мне «великую судьбу». Вот я и совершу грандиозное открытие! Я сделаю то, что прежде никто не осмеливался – обследую другие измерения, если они по правде существуют.

Лорна бросила мне в спину:

«Ты не виноват в том, что случилось. Отпусти это».

«Понятия не имею, о чём ты».

16 октября 2002.

Был на острове, наверное, в последний раз в этом году. Погода испортилась. Джуди сказала, что не сможет какое-то время приходить сюда из-за учебы – всё-таки первый класс, ей трудно во всё это въехать. Она неглупый ребёнок, но страшно неусидчивая.

А ещё она сказала, что недавно у неё был день рождения и «мама Сэнди» подарила ей кучу всего, но главное – котёнка. Теперь Джуди ломает голову, как назвать питомца. Решила проконсультироваться со мной.

По правде говоря, я ей завидую. Лорна никогда не позволила бы мне завести домашнее животное.

«Эрвин» – выдал я первое, что пришло в голову.

«Странное имя», – заметила Джуди.

«Так звали ученого, который...» – я вовремя спохватился, что не стоит рассказывать восьмилетке про эксперимент с кошкой в ящике. Живой-мёртвый кот. Живая-мёртвая девочка. Жаль, Джуди не поймёт в чём ирония.

Она уточнила, что имя нужно женское и спросила, есть ли питомцы у меня.

«Алиса» – предложил я. Это тоже по-своему символично. Джуд понравилось.

На том и разошлись.

1 ноября 2002.

Я наконец получил весточку от Мэл. Ей как-то удалось добраться до интернета, видимо, на Самайн они гостили у Луизы, и подсобил кто-то из вампиров.

Последний телефон Мэл ещё весной отобрала её мать. Отобрала и отлупила её кнутом. Жестокая, чокнутая тварь. Лорна на фоне мамы Мэл просто ангел.

Так мы и подружились с Мелиссой Макбрайд. Сначала враждовали, всё время изводили друг друга и пакостничали. Мэл раздражало, что у меня обнаружилась предрасположенность к магии. А она меня бесила просто потому, что у неё ужасный характер. Она и сейчас меня бесит. Но друзей не выбирают. Вроде.

Тогда мы с Лорной приехали в Луизиану, и я увидел, что с Мэл творит её мать, как охаживает её по плечам кнутом. Лорна смотрела и молчала, велела и мне не вступать. Все молчали. Никто не вступился.

Просто жуть! Мелиссе было семь лет. Или восемь, не помню.

После я выгадал момент и предложил свою помощь. Мэл отказывалась, но потом уступила. Мы долго бродили по лесу рядом с логовом сестёр, искали нужные травы, чтобы приготовить целебную мазь. Мелисса вдруг разговорилась, пожаловалась, что это частенько случается, а я пожаловался ей на Лорну. Мы строили планы, как сбежим ото всех, так далеко, что нас не найдут. Наивно, конечно.

Матери Мэл доложили. Она пригрозила, что если я посмею хоть пальцем притронуться к её дочери, то она оторвет мне и этот палец, и всё остальное. Лорна услышала, взбесилась, они поругались и чуть не развернули войну между Севером и Югом, но вмешалась Луиза. Она по-своему следит за порядком.

Мы всё равно дружим, и это страшно злит старую суку, мать Мелиссы. Она всячески препятствует нашему общению... но Мэл находит лазейки, изворачивается. В их Ковене безумные обычаи, куда хуже, чем у нас.

Вот что написала Мэл:

«Привет, подонок.

С чего вдруг ты заинтересовался зеркалами?

Луизочка тебя надоумила? Зря стараешься, она тебе всё равно не даст. Прекрати уже пускать на неё слюни, она же, блин, мёртвая. Хочешь трахнуть труп – возьми лопату и шуруй на кладбище. Там найдется более сговорчивая баба. Заодно подкачаешься, пока будешь копать.

Я поискала информацию в нашей библиотеке. Придется тебя расстроить: нифига. Если ты забыл, то напомним – в Ковене зеркала не жалуют. Нам запрещено с ними связываться. Сестры считают, что из них могут вылезти вредные сущности, нам даже держать зеркала тут запрещено. Откуда бы у нас взялись книжки на эту тему, ты чего?

Но я так просто с тебя не слезу! Колись, что ты задумал, Ит. Ты ничего не делаешь просто так.

Я соскучилась. Жаль, что вы не приехали летом в Новый Орлеан, хотя... понимаю. Тут ужасно жарко и воняет. Куда-то ездили отдыхать? Чем занимался? Завёл подружку? Или продолжаешь самозабвенно дронить на клыкастую тварь?»

В этом вся Мелисса. Она как-то прознала, что я неровно дышу дышал к Луизе, когда был младше, и теперь не упускает случая поиздеваться. Надоели уже её глупые шутки. Не её дело.

И про «соскучилась» тоже писать не стоило, какой бы смысл Мэл в это не вкладывала. Не знаю, что она себе придумывает, но опять получит от матери. А мне эта чокнутая открутит голову за компанию. Не станет разбираться, покушался ли я на честь её дочери или нет. Бред.

Письмо Мелиссы меня расстроило. Я очень рассчитывал на её помощь.

9 ноября 2002.

Мэл ничего не открыла, но подтолкнула меня, придала направление, в котором нужно копать.

Есть девочка, которая мертва в одном мире, но жива где-то ещё и приходит из того места. Значит, можно как-то перемещаться туда-сюда. Джуди, наверное, и сама не понимает, как это проворачивается. Когда мы дышим, мы же не задумываемся о том, как работают наши легкие? Вот...

Есть версия, что вампиры пришли из какого-то другого измерения, или их призвали, непонятно. Они сильно отличаются от нас, ото всех обитателей «Незримого мира». У них другая природа... Но у Луизы не спросишь, она разразится очередной пространной речью, полной идиотских метафор. И сдаст меня маме.

Есть зеркала, они явно имеют к этому отношение. Я прошерстил огромное количество информации про катоптромантию, суеверия с ними связанные, историю возникновения, распространение, изготовление и прочее. Для кучи просмотрел упоминания в художественной

литературе и искусстве. Человеческая культура не просто так наделяет зеркала мистическими свойствами.

Но версия про персидских магов точно чушь полная. Не могли они призвать вампиров – тогда зеркала были слишком маленькими, туда не пролезла бы даже такая кроха, как Луиза. А некоторые её собраты куда выше ростом. Большие зеркала появились только в семнадцатом веке.

Попробовал аккуратно расспросить Лорну и нарвался на очередную нравоучительную беседу. Вампиры просто существуют и всё. Не моего ума дело, откуда они взялись, нечего «фантазировать» и вестись на всякие суеверия. Она добила меня окончательно:

«Меня беспокоит твой интерес к этой теме. И к Луизе. Это нездорово, Итан. Для удовлетворения *определённых* потребностей лучше подойдет какая-нибудь девочка из школы...».

Она то откуда знает? Мэл что-то растрепала? Или я сам спалился.

Проигнорировал мамины циничные рассуждения и стал увиливать. Мол, клыкастые, как их называют в Новом Орлеане, очень уж отличаются. Мне просто любопытно, почему так... Да и Луиза в тот приезд заходила ко мне взглянуть на зеркало. Но это я сказал зря.

Лорна сразу насторожилась.

«Ах, зеркало» – сказала она, – «только не говори, что наслушался всяких баек и вздумал искать проход в мир вампиров».

Дьявол! Она, выходит, просматривает историю браузера. Лорна очень умна, да и не чурается человеческими технологиями. Я очень глупо попался. Злиться стоило лишь на себя, но все равно хотелось разбить ноутбук ей о голову.

Только эта тетрадь безопасна. Лорна никогда её не найдет. Она ни за что не догадается, где я её прячу.

«Зачем тебе это понадобилось, Итан?»

«Сбежать хочу от твоей гиперопеки».

«Молодой человек!»

Не сдержался, послал её подальше. Думал, что огребу, но нет. Лучше бы она меня ударила.

Её молчание всегда пугает больше рукоприкладства или привычки швыряться предметами/магией. Страшно представить, что творится у неё в голове.

Ничего хорошего.

17 ноября 2002.

Мама сообщила, что Шейн решил сделать мне подарок ко дню рождения.

Он ещё летом изъявлял желание пообщаться, но из-за наблюдения за Джуди я отказался к нему поехать. Теперь он зовёт провести с ним выходные на Гавайях. Уже купил билеты на пятницу и забронировал какой-то космически-дорогой отель. Лорна только «за», хотя сама с нами не поедет.

Моего мнения, конечно, никто не спросил.

Лорна просто поставила меня перед фактом – ты хотел отца, получай. И прекрати свои мутные делишки, чем бы ты там ни занимался. Она этого не сказала, но я всё понял. Шейн ей неприятен, но она сочла его «меньшим злом».

Она сама учила меня выбирать между Сциллой и Харибдой, если другого пути нет.

Джуди всё равно стала редко приходить на остров из-за школы. Да и холодно уже торчать на реке.

Расследование застопорилось.

21 ноября 2002.

Не зря поехал, тут очень красиво. Океан завораживает, а купальный сезон закончился, что хорошо. Не придется объяснять Шейну, почему я не суюсь в воду и предпочитаю наблюдать её с берега. В июне я возненавидел её ещё сильнее... Вода убивает.

Шейн привёл меня на безлюдный пляж. Предложил выпить – он принес с собой бутылку виски. Я отказался. Подумал, вдруг это такая проверка.

Он сказал:

«Не сердись на меня, Итан. Я ничего о тебе не знал. Лорна порвала со мной, заверила, что ждёт ребенка от мужа. А с ней хер поспоришь».

Тогда я подумал, что, наверное, мы сможем подружиться. По правде, мне очень хотелось бы иметь близкого человека. Кого-то, кому можно излить душу, кому можно доверять. Я ведь даже Мэл не могу доверять – она ведьма, ведьмы ужасно коварны. Скорее всего, она и рассказала Лорне про мою «одержимость» Луизой. Без злого умысла, а просто для забавы. Но шутки... кончатся. Как и наша дружба.

А Шейн...

Наивный я идиот.

Шейн ещё та скотина, как оказалось. И с мамой у них куда больше общего, чем я думал. Хитрый ублюдок. Он ловко совместил полезное с приятным – и, вроде как, со мной пообщаться, и отдохнуть с тем размахом, к которому он привык, воспользовавшись случаем. После пляжа он сразу потащился в бар.

Он много пьёт. Он рассчитывал, что я составлю ему компанию. Бред! Мне только исполнилось шестнадцать. Я не собираюсь пускаться с ним в алкогольную одиссею даже маме назло. Меня мутит от вкуса и запаха выпивки, а ещё я читал, что она разрушает мозг. Не хотелось бы стать таким же дебилом, как мои одноклассники или... он.

Шейн заявил, что в моём возрасте был совсем другим, а я, судя по его наблюдениям, «очень серьёзный молодой человек», «умный не по годам» и бла-бла-бла. «Лорна, наверное, очень гордится». Да-да.

Он в юности гонял на отцовской раздолбанной тачке, искал приключения. Это подразумевало пьянки, концерты, драки и девчонок.

По поводу девчонок он тоже расспрашивал. По его мнению, в шестнадцать уже пора расстаться с девственностью и «наслаждаться жизнью». Назвал нас с мамой «снобами», но тут же извинился. Все-таки приличная семья, всё дела, не то, что у него. Дед с его стороны – простой работяга, бабушка – образцовая домохозяйка. Но вот за это его можно уважать – он сам всего добился.

Вечером Шейн снял в баре какую-то девку, далеко не первой свежести. Он женат, но это его не остановило. Хорошо, что у меня с собой наушники, чтобы не слушать их через стенку.

Мне он предложил тоже поискать «компанию», тут крутится много шлюх разного возраста. Я на них посмотрел... «компания», конечно, хорошо, а вот приобрести букет венерических заболеваний – сомнительная радость.

Так что я опять пошёл на тот пляж.

24 ноября 2002.

Как же бесит! **Мама была права.**

Лучше бы я её послушал ещё в феврале. Мне прекрасно жилось без отца, тем более такого. Покойный Натаниэль Уокер меня вполне устраивал! Возможно, теперь я его идеализирую. Но он всё время был занят и не лез в мои дела. Вот его главное достоинство.

Пока меня не было в номере, Шейн нашёл эту тетрадь. Не знаю, за каким чёртом. Но это... просто слов нет.

Он сказал:

«Извини, но мне было так любопытно, что ты там всё время пишешь. У тебя неплохой слог, малец, а со временем ещё отточится. А какая фантазия! Ведьмы, вампиры... Хочешь стать писателем? Я помогу. Я могу поговорить с одним своим другом, приедешь к нам учиться, без работы не останешься...»

Твою мать.

По правилам «Незримого мира» я должен был его убить. Простым людям нельзя знать о нашем существовании. И нет никаких послаблений – родственники они нам или нет. Лорна давно научила меня нужному заклинанию на всякий случай. На такой случай.

Только я не убийца. Вернее... убийца, ведь из-за меня погибла Джуди, но тогда всё вышло само собой. Просто стечение обстоятельств.

Я не смог.

Мне пришлось бы избавляться от тела, замечать следы, а потом предстать перед Ковеном за этот косяк. Не факт, что даже при статусе Верховной ведьмы Салема Лорна смогла бы защитить меня от остальных. А прознай южанки... Ой-ёй.

Мне конец. Меня бы тоже убили. Я феерически проебался. Такое не прощают.

Лорна сама и сделает это – за чёртов дневник. Прикончит меня и прикопает в саду.

Так что я проглотил обиду и стал выкручиваться. Сказал, что да, вот, выдумываю всякое. У меня скучная жизнь, оттого и хочется её как-то разнообразить. Всё-таки мы живем в Салеме, тут в воздухе витает дух мистики, у города такое прошлое, некуда деваться.

Я попросил Шейна не говорить Лорне, мол, это секрет, теперь будет наш с ним общий. Он заговорчески подмигнул. В аэропорту напился и вдохновлено распинаясь, как гордится «ты, видимо, пошёл в меня!», и, конечно, какое меня ждёт «большое будущее».

Слышать уже не могу об этом «большом будущем»...

И не будет никакого будущего, если хоть кто-то узнает.

29 ноября 2002.

Лорна немного подождала и принялась расспрашивать меня о поездке. Хорошо, что у меня было время, чтобы придумать, что ей сказать. Она легко распознает ложь, потому я взвешивал каждое слово.

Да, ты была права, я ошибался. У нас с Шейном отцом ничего общего. Он такой поверхностный, а вдобавок ещё и много пьёт. Мне было с ним скучно. Я думал, что он расскажет что-нибудь интересное про свою работу в кинопроизводстве, но его больше увлекали бухло и флирт с молодыми проститутками в отеле. Скорбное зрелище. Я понял, почему ты не ушла к нему, а осталась с Натаниэлем. Не представляю вас вместе.

И всё же... Почему ты вообще с ним связалась?

Лорна осталась довольна. Вдруг расщедрилась на откровения: типа она была молода и глупа, поддавалась, как она выразилась, «мимолетной страсти». Но всё сложилось удачно – у них с Натаниэлем всё равно не получалось завести ребёнка. Муж, наверное, догадывался, что она меня нагуляла, но молчал. Лорне разве что-то предьявишь... голову откусит.

Зато она чуть разбавила гены, ведь в нашей семье постоянно заключались браки между дальними родственниками. Как известно, это плохо сказывается на наследственности.

Мне повезло, что мы последние Уокеры и больше никого нет. У мамы был брат, но он погиб ещё ребёнком. Спасибо ему, а то будь у него дети, мне бы пришлось жениться на своей кузине.

Инцест. Инбридинг. Где-то встречал это слово. Мерзость какая-то. Тупые традиции.

Лорна, конечно, когда я стану старше, подсунет мне какую-нибудь «подходящую» бабу, но хотя бы обойдётся без кровосмешения. Может быть, повезёт и эта баба не окажется старой и страшной. Или жуткой стервой. Посмотрим. Я как-то смирился с такой перспективой. Если честно, мне всё равно.

7 декабря 2002.

Я подгадал момент, когда дома никого не будет, и рискнул попробовать. Выписал на листок парочку ритуалов с зеркалами и вложил в эту тетрадь между страниц. Историю браузера приходится подчищать и даже книги в библиотеке ставить ровно на то же место, где были. Нельзя оставлять никаких следов своей исследовательской деятельности.

Да что толку?

Ничего не вышло. Проход куда-то там не открылся. Чувствую себя очень глупо, но не сдамся.

19 декабря 2002

Притащились.

Пришлось свернуть свои эксперименты. На реку тоже нельзя – Мэл разнюхает и засыплет меня вопросами. Она и так косо поглядывает, всё хочет расспросить о зеркалах. Но, к счастью, пока не может – старшие не позволяют нам оставаться наедине. Ну как... Мамаша Мэл не позволяет, но Лорна с ней не спорит. Мама старается вести себя сдержаннее, раз Луизы рядом нет и разнять их некому. Они и так поругались сразу же, как южанки приехали.

Поцапались они вот почему: Аманда Макбрайд притащила своего ужасного фамильяра, хотя мама ей запрещала. Она настаивала: не будет этого гада в нашем доме, на нашей земле... Но он здесь. Плевать мать Мэл хотела на требования Лорны.

Вот тут я с ней совершенно согласен. У меня от этого типа мороз по коже – настолько он жуткий. Высокий, на две головы меня выше, хотя я далеко не коротышка, мощный бугай. Длинные смоляные волосы, смуглый, глаза чёрные-чёрные. Он похож на цыгана или индейца. Но он не человек. Какая-то непонятная тварь, что ходит у Верховной в прислужниках. Всё время молчит. Не знаю, зачем он нужен, какая у него функция.

Мэл считает, что они любовники, но от этого не легче. Верховная юга и сама больше похожа на нечисть, чем на человека. Мама говорит, что это последствия её экспериментов – она всё пыталась продлить молодость, но перестаралась. Луиза и то человечнее. Луиза-Луизочка. Я дебил. Короче, мать Мэл ужасно выглядит. Вот и нашла себе подходящего бойфренда.

Поговаривают, что он превращается в коня, не видел. Но я даже думать об этом не хочу. Йольская неделя обещает быть весёлой.

24 декабря 2002

Лорна каждый год занимается какой-то благотворительной херней в городе. Влиятельная семья, все дела. Нужно поддерживать имидж и «легенду» для простых людей.

В этот раз туда намылилась и Верховная Юга со всей своей свитой.

Мэл обрадовалась возможности поглазеть, как отмечают Сочельник в Новой Англии, надеялась, что и я с ними пойду, но я послал их лесом. Не хочу толкаться среди толпы народу. Пока они будут пропадать в городе, смогу сходить на реку, вдруг Джуди там.

Не тут-то было – черноглазый уродец остался. Прицепился ко мне, стоило выйти из дома. Пришлось пересмотреть свои планы, нечего ему знать о девчонке.

Он вдруг спросил:

«Не жалуете Рождество?»

И когда это он стал таким разговорчивым?! Я даже плохо представлял себе, какой у него голос, сомневался, что он умеет говорить. Мало ли, вдруг эта чокнутая тварь вырвала ему язык.

Я попытался помягче его послать. Типа... мне, в сущности, плевать на Рождество. Я не маленький ребёнок, чтобы радоваться подаркам, ёлке и всяким глупостям. А что до службы в церкви – мы и так туда ходим, чтобы никто ничего не заподозрил. Это в семнадцатом веке придумали наши предки. Они поняли, что лучше прятаться у всех на виду и прикидываться богобоязненными пуританами. Но я не поклонник этого, церкви наводят на меня тоску: все эти пухлые ангелы, лупоглазые святые и заунывные песнопения.

И зачем я только втянулся с ним в беседу?

Но было любопытно, потому спросил:

«Вы – келпи? Или грант? Почему прислуживаете Верховной?».

Он посмеялся.

Нет и нет. У них контракт, он о нём говорить не может. Любопытство сгубило кошку.

Я читал про магические сделки – разглашение условий карается смертью, причем обоих участников, даже того, кто был невиновен. Договор скрепляется кровью. Магия крови странная штука. Говорят, самая сильная.

Но он похвалил меня за любознательность, нашёл мои предположения довольно занятыми. И сказал:

«Не оставляйте своих попыток. Вы добьётесь успеха, Итан».

Я опешил. А он продолжал:

«Вам же известно, как всё работает? Важно намерение. Дверь не откроется, если не сформулировать, куда вы хотите попасть».

Я с трудом выдавил из себя «спасибо». Убежал побыстрее, чтобы записать. Его совет и правда очень толковый. Надо запомнить и попробовать снова, когда они свалят.

Но... чёрт, мне не нравится его осведомленность. Он ведь в курсе, чем я занимаюсь.

Но откуда?

2003

1 января 2003 г.

Стоило в новогоднюю ночь всем разойтись, как ко мне нагрянула Мэл.

Она потребовала рассказать, что я задумал. Она больше не могла терпеть, её просто-таки распирало от любопытства, она ради такого даже рискнула выбраться из гостевого крыла особняка.

Я попытался её задобрить – отдал ей телефон, что мне на день рождения подарил Шейн. Пусть развлекается и не пристаёт с расспросами. Но нет. Она уперлась, стала настаивать. Полезла в мой ноутбук.

Мы подрались, хотя давненько этого не делали. В детстве часто случалось, но тогда шансов у неё было больше. Она не унаследовала исполинский рост своей мамы, всё такая же мелкая пигалица. Но колдует хорошо, хотела запустить в меня проклятьем, да я её опередил и скрутил. Уложил на кровать, чтобы не брыкалась, а то на грохот сбежался бы весь дом.

Мэл это по-своему расценила.

«Что ты задумал? Хочешь меня трахнуть?».

«Да с чего ты взяла? Не собираюсь я тебя трахать, дура».

«А, ну понятно. Ты же предпочитаешь драть на Луизу».

«Вовсе я этого не делаю!»

Было... Давно. Разок. Два... Но мне потом стало очень стыдно. До сих пор стыдно. И вообще – это Мелиссы не касается. Нечего ей лезть не в своё дело. Только у неё имелось другое мнение на этот счёт. Она принялась и дальше меня доставать:

«Да-да, вот оно что. Но она тебе никогда не даст, не надейся. Да и с девчонками из школы тебе ничего не светит из-за твоей кислой рожи. Бедный-бедный Ит. Но я могла бы помочь, протянуть руку помощи».

«Да сдалась мне твоя долбанная рука. У меня всё нормально с девчонками из школы»

«Врёшь. Я тебя знаю».

Я стал с ней спорить и выдумывать какие-то небылицы про одноклассницу, с которой у нас уже всё случилось. Мэл заинтересовалась и засыпала меня неудобными вопросами, на которые у меня не нашлось внятных ответов. Она почуяла слабинку и вцепилась бульдожьей хваткой.

«Ой да брось. Ничего у тебя не было, ты всё фантазируешь».

«Было!»

«Тогда докажи».

«С тобой, что ли?»

«А ты видишь тут кого-то ещё?»

Мэл меня, конечно, совсем не вдохновляет. Мелкая, прыщавая, тощая, ноги кривые, ни груди, ни задницы, да и мы всё-таки друзья, как-то это неловко. Ей скорее хочется отвинтить голову, чем трахнуть. Но как тут устоять, когда она сама предлагает? Главное не упасть в грязь лицом. Надо просто напустить на себя серьёзности и сделать вид, что делаю ей огромное одолжение.

«Ладно, твоя взяла. Раздевайся».

Вышло всё максимально нелепо. Мэл, кажется, заранее это спланировала, даже резинки где-то раздобыла и полезла с унижительными инструкциями, как этим дерьмом пользоваться. Отмахнулся от неё, мол, сам разберусь. Мы с той девчонкой из школы типа спали без них. Так, говорят, острее ощущения. И плевать, что опасно.

Мэл с этого заявления знатно повеселилась.

Смотреть на неё не было сил, трогать особо не за что, а целоваться она училась, видимо, у самки богомола, пытаясь отгрызть мне голову в процессе. Пришлось пропустить прелюдии, перейти сразу к следующим этапам, ну и перевернуть Мэл на живот, чтобы не таращиться на её знакомую с детства физиономию.

В таком положении можно было представить на её месте кого-то посимпатичнее. Но это сыграло со мной злую шутку, я увлекся, думая об одной смазливой дуре из школы, и быстро кончил. Мэл демонстративно довела себя до оргазма пальцами, и выкупала меня в долбанном океане презрения. Принялась измываться.

Я разозлился и пригрозил, что сейчас пойду к её матери и швырну окровавленную простыню ей в лицо.

«Ну ты и урод» – сказала Мелисса, показала фак и наконец-то свалила.

5 января 2003

Гости уехали.

Никогда. Больше. Не. Хочу. Видеть. Южных. Ведьм. Никого из них. И особенно Мелиссу.

После той ночи она посчитала себя обязанной всячески меня изводить. Наедине мы больше не общались, но даже в присутствии посторонних она омерзительно кривлялась и изображала похабные жесты, пока никто не видит.

Прощаясь, она обняла меня и шепнула на ухо, ничуть не страшась, что её услышат:

«А член у тебя ничего, жаль, что ты такой скорострел. Потренируйся, что ли, пока меня не будет».

Ненавижу.

Не знаю, каким чудом я её не придушил, не развязал войну между Севером и Югом. Пришлось напомнить себе, что преимущество не на нашей стороне, нас осталось мало, а южанок целый пчелиный рой и все злющие.

Мама очень косо на нас поглядывала. Она догадалась, что между нами что-то случилось. И, конечно, заговорила об этом, стоило им убраться восвояси. Подлила, так сказать, масла в огонь.

«Ты мог бы жениться на ней, когда вы станете старше. Это отличный политический ход, чтобы примирить наши Ковены».

«Ни за что в жизни! Я её ненавижу»

Лорна неодобрительно покачала головой.

«Какой же ты ещё ребёнок».

Катись к чёрту!

6 января 2003

Я пошёл на остров, чтобы проведать Джуди.

Река заледенела, а снега напало столько, что я едва пробрался через сугробы. Уже подходя к месту, увидел неглубокие маленькие следы.

Она обнаружилась у берега, что-то там разглядывала, но я не стал интересоваться, что именно. Не очень-то вежливо взял её за шкурку, как нашкодившего щенка, и поставил подальше от края. Ещё не хватало, чтобы она провалилась под лёд и снова погибла.

Джуди полезла ко мне обниматься. Ненавижу все эти «обнимашки» и чужие прикосновения вообще, с трудом сдержался, чтобы на неё не наорать. Она испуганно отскочила, принялась оправдываться и почему-то снова перешла на «вы».

«Я боялась, что вы больше не придёте. Вас давно не было»

«У нас были гости, извини. И говори мне «ты», я же тебя просил».

Она очень серьёзно кивнула и вывалила на меня целую кучу ненужной информации.

Она тут не появлялась, к ним с «мамой Сэнди» тоже приезжала родня.

Джуди восторженно щебетала, как ей понравилось отмечать Рождество в кругу семьи, это для неё в новинку. До того она воспитывалась в государственном учреждении, там всё

было по-другому. Она говорила об этом с поразительной легкостью для восьмилетки. Это меня впечатлило. Всё-таки... есть в ней что-то особенное.

Жаль, что она погибла в нашем мире.

Я слушал её краем уха, а сам пытался представить, как всё сложилось бы, если бы не тот роковой день. Какой бы Джуди выросла? Мы бы общались?

Дом Сэнди Дэвис по-прежнему пустует. Мне больно на него смотреть.

Каждый раз, проходя мимо, я стыдливо отвожу взгляд.

16 января 2003.

Он сказал:

«Важно намерение. Дверь не откроется, если не сформулировать, куда вы хотите попасть».

Мама уехала по делам в центр города, а у прислуги выдался выходной. Какое блаженство, когда по дому никто не шныряет! Можно заняться своим «расследованием». Надолго же я его забросил... с начала декабря, выходит, не было возможности поэкспериментировать с зеркалом.

Сначала я попросил его отвести меня в мир Джуди, но ничего не вышло. Это, наверное, не так то просто. Решил, что надо откатиться назад и попробовать снова, но с другим местом.

Руки трясутся от волнения, писать трудно.

Получилось. Наконец-то получилось.

«Приведи меня в кабинет». Вот так. Оно послушалось! Отражение начало расплываться, зеркало стало каким-то жидким. Коснулся его пальцами – и правда как жидкость, на коже ощущение влаги и холода. Долго не решался погрузить в него руку, вдруг это опасно, но меня подстегнуло ограниченное количество времени. Мама могла явиться в любой момент.

Поэтому я полез внутрь и вышел... в её кабинете! Ощущения непередаваемые. Это похоже на прыжок в воду. Я долго пытался откашляться, отплеваться, хотя никакой воды на самом деле не было.

Закружилась голова, чуть не стошнило на ковер. Перед глазами до сих пор всё плывёт. На всякий случай проверил часы – время то же самое, что и наверху, в комнате:

13:52.

Ненавижу воду, но придется к этому привыкнуть.

Это только начало.

20 февраля 2003

Зима в Новой Англии длится целую грёбаную вечность.

Мрак и безнадёжность.

Зато мама вписалась в какой-то тупой благотворительный проект для богатых идиотов, так что стала часто отсутствовать дома.

Потому мне удалось немного продвинуться в своих экспериментах. Я весь месяц болтался из зеркала в зеркало. Начинал с малого – с передвижений по особняку. Потом попробовал добраться до школы – там, в раздевалке есть большое зеркало, а в перерывах между тренировками бывает безлюдно. Заглянул и в ближайший бар, почувствовал себя бунтарём, стащив бутылку какого-то поганого виски.

Запишу в список причин, по которым мне предстоит сгореть в аду.

Но алкоголь, как выяснилось, помогает. Он чуть облегчает побочные эффекты... Перемещения плохо сказываются на моём физическом состоянии. Сначала меня страшно мучило, один раз даже вырвало. Потом полегчало, но стала жутко болеть голова. Такое чувство, что мозги закипают и плавятся, какое-то жжение под кожей, в ушах гул. Возникли проблемы со сном, голова не отключается, до утра лежу и пялюсь в потолок. Но если выпить, отпускает, наступают тишина и покой.

Я не хочу останавливаться. У меня появилась идея, куда можно «прыгнуть» на большее расстояние, не в пределах Салема.

Мне понравился тот безлюдный пляж на Гавайях, и я примерно запомнил планировку и интерьер отеля, где там есть зеркала и мало народу. Почему бы не сбежать от промозглой, мерзкой зимы? Одним глазком посмотреть на океан, погреться на солнышке, полюбоваться закатом на берегу.

Да, кстати... мне написала Мэл, я же забил в тот телефон свой номер. Она извинялась за свои выкрутасы. Но я её послал.

12 марта 2003.

К нам вдруг приехал Шейн, слегка пьяный, а потому весёлый.

Мама, как ни странно, не разозлилась и оказала ему тёплый прием. Из их болтовни я почерпнул, что у них что-то связано с этой датой, но до конца не понял, что именно.

Мне стоило огромных усилий «держать лицо». Я знатно пересрался, что этот идиот по пьяни что-нибудь разболтает, но обошлось. Кажется, он вообще забыл про тот разговор.

Они с мамой весь вечер предавались воспоминаниям и глушили вино. Надо же! Я ещё не видел Лорну такой беззаботной, она словно помолодела на добрый десяток лет. Напилась. Мама, которая и капли алкоголя в рот не берёт! Она потрепала меня по волосам и сказала, что я «лучшая из её ошибок».

Неловко, но мило. Ошибка, вот я кто. Как там это в монархической терминологии называется, «бастард»?

Не вижу повода для гордости.

Шейн остался у нас ночевать, причём остался в её комнате, а утром быстренько смылся. Хорошо, что в особняке толстые стены. Не хочу знать, чем они там занимались. Бр-р-р-р. Но было почему-то тепло на душе. Будто у меня нормальная семья, и отец, и мать, а она... не такая отмороженная, как обычно, а вполне обычная женщина.

За завтраком я спросил Лорну, приедет ли ещё Шейн. Её явно мучило похмелье. От прежнего веселья не осталось и следа. Она вдруг бахнула чашкой по столу так сильно, что вся посуда зазвенела. Потребовала:

«Прекрати это, Итан».

Началось... Признался, что не понимаю, в чём проблема. Вчера она казалась такой счастливой! Что в этом плохого? Что я такого сказал, ну?

«Не забывай, *кто мы*. Нас ничего с ними не связывает. Мы можем позволить себе... проводить вместе время, но нам нельзя к ним привязываться. Чувства делают нас слабыми».

Она добила: у Шейна есть жена, если я и об этом забыл. Так что нечего тут фантазировать о воссоединении семьи.

Лорна ещё что-то говорила, уничижительное и злое. Я её уже не слушал. Спросил:

«Хорошо, мам. Друг к другу нам, по-твоему, тоже привязываться нельзя?»

Она заткнулась. Я почувствовал, что перегнул палку, и сейчас в меня что-нибудь полетит. Или чашка или *ignis pila*, или ещё какая магическая херня. Но нет. Она предпочла ударить словами. Ведь могла же поспорить, хотя бы попытаться заверить меня в том, что я ошибаюсь и... а на что я, кстати, рассчитывал?

«Я на твоей стороне. Но *остальные* уничтожат тебя, стоит тебе показать свою слабость. А пока ты слаб».

Спасибо, мам.

2 июня 2003.

Очень дерьмовый день.

Всю ночь снились кошмары о произошедшем в прошлом году. Джуди тонула, её уносила река, да с такой скоростью, что мне было никак за ней не угнаться. Чертова вода пожирала её

заживо, как серебряная лава, как кислота, разъедающая картинку. Я видел, как мелькнули в последний раз маленькие пальцы и... всё. Снова всё.

Думал, не напиться ли с утра пораньше, чтобы продрыхнуть до самого вечера, но Лорна и так стала смотреть на меня с подозрением. Она всё подмечает.

По мере приближения этого дня мне становилось всё хуже. Мама знает, что за дата, легко сложит два и два. Не хочу выслушивать её нравоучительные речи и предложения опять посетить мозгоправа.

Собрался на кладбище, а Лорна сказала:

«Останься сегодня дома».

Чёрта-с два. Я демонстративно оборвал в саду все гиацинты прямо у неё на глазах и ушёл. Отвёз их к могиле местной Джуди, а потом вернулся на остров, чтобы встретиться с другой Джуди.

Безумие какое-то.

Но мне нужно было увидеть мелкую, увидеть живой, чтобы выгнать из головы образ её одинокой могилки и синюшного мёртвого тельца с фото в отчёте о вскрытии.

Джуд на острове не было, и я забеспокоился, не выдумал ли всё это, вдруг я весь год общался со своей галлюцинацией? Я читал, что такое бывает. ПТСР, чувство вины, всякие такие штуки.

Я смотрел на эту сраную воду, смотрел, как течение тащит какие-то листья и травинки, как река облизывает острые, колючие камни на дне. И хотелось броситься туда, чтобы она забрала всё. Как ровно год назад забрала соседскую девчонку.

«Итан!».

Опять полезла обниматься, но на этот раз я не рассердился, ведь сам в этом нуждался. Она такая маленькая и тёплая. Живая. Боже. Она не знает о том, что с ней случилось. Не с ней, а с другой Джудит Дэвис.

У меня, наверное, в тот момент было ужасное лицо, но мелкая не испугалась. Она смелая. И добрая. Попыталась меня утешить. Расспрашивала, что у меня стряслось.

И что ей ответить?

Вот... придаюсь воспоминаниям о том, как ты умерла. В моём мире. О, извини, это уже перебор, да?

Я смогу когда-нибудь рассказать ей правду?

15 июня 2003.

У меня были другие планы на лето: ходить на остров к Джуди, экспериментировать с зеркалом, пока никого нет дома, читать... Но нет.

Лорна внесла свои коррективы. Она заявила, что хочет поехать к Луизе, но без меня. Видимо, рассудила, что разумнее будет оградить меня от общения с её вампирской подружкой, а заодно и от Мэл. Но поскольку мама не может оставлять меня без присмотра, да-да, так и сказала, то предлагает мне выбор. Такой себе выбор, на самом то деле.

Какой-нибудь идиотский летний лагерь или поехать к Шейну.

Блеск.

Не представляю, что творится у мамы в голове. Я устал попевать за её переменчивым настроением. То она его видеть не желает, то сама позвонила, чтобы обсудить эту «гениальную» идею.

Лагерь – точно нет, не выношу своих безмозглых сверстников.

Понятно, какое зло меньшее.

30 июня 2003.

Калифорния мне не нравится. И отец тоже не нравится. Чем больше я его узнаю, тем хуже впечатление.

Шейн – ходячий набор клише. Выбился «в люди», чем страшно гордится, ну, тут есть чем, это понятно. Но он такая пустышка... такой самовлюбленный индюк. Он изо всех сил демонстрирует, какая у него, выходца из зачуханного шахтёрского городка, теперь роскошная жизнь.

Он владеет уродским домом из стекла и бетона на холмах в Бел Эйр. Весь дом забит не менее уродским современным искусством. Шейн в нём ничего не смыслит, но скупает всё без разбору, просто потому что «дорого», а он может себе это позволить.

Он пьёт купажированный виски у бассейна и устраивает вечеринки, где всё нюхают и совокупляются как звери. Ездит на красном кабриолете в мажорских очках. Работает в кино-производстве, а оттого считает себя чёртовым центром вселенной. Женился на девице, которая немногим старше меня, но всё равно умудряется ей изменять.

А она... просто красивая кукла. Очередная безделушка, которую Шейн приобрел в свою коллекцию, как безвкусную мазню или инсталляцию из жестянок от какого-то модного художника. Её зовут Камила. Имя как у проститутки, но это породистая лошадка.

Всё, что их связывает – это любовь к наркоте, бухлу и роскоши. Эта Камила – дочка каких-то миллионеров, не от Сохи, как и мама. Шейну, видимо, подавай только таких женщин – выше его по социальной лестнице, путаться с ними – определенного рода достижение для выскочки вроде него.

Камила и не против – ей, кажется, плевать на его измены, на разницу в возрасте в добрых два (или три?) десятка лет. Она целыми днями шатается по магазинам и светским мероприятиям, а за столом рассуждает о том, что неплохо бы прикупить виноградник и выпустить свою марку Зинфандель. Шейн поддерживает эту идею, а у меня уши вянут от их тупых разговорок.

Я совершенно не вписываюсь. Ни в этот дом, ни в их мир, ни в систему координат своего обретенного папаша. Шейн сначала вдохновился новостью, что у него есть сын, но сейчас подрастерял прежний запал. Чувство новизны прошло и теперь он понятия не имеет, что со мной делать. Тут мы солидарны.

Потому он ищет повод смыться из дома, лишь бы со мной не общаться. Пропадает то у одних друзей, то у других. Попытался спихнуть меня на руки мачехе, но и она не горит желанием зависать с подростком.

Камила со скрипом расщедрилась на «экскурсию» по Л.А. и снабдила меня инструкцией, чем тут можно себя развлечь. Рассказала, где какие клубы, какие вечеринки. Я вежливо выслушал, не стал говорить, что мне это не интересно. Над её предложением заняться сёрфингом посмеялся в голос.

Камила спросила, что не так. Признался, что не умею плавать, да и вообще... вода мне не нравится. Она назвала меня странным.

Вот так и обстоят дела: я для них какой-то инопланетянин, впрочем, как и они для меня. Диковинная зверушка с пустошей Новой Англии. Нам любопытно наблюдать друг за другом... но не больше. У нас нет точек соприкосновения.

И ладно. Зато никто не мешает мне заниматься своими делами, не контролирует каждый шаг. Камила и Шейн практически не бывают дома. Я почти всё время предоставлен сам себе.

Мама сюда точно не сунется. Она звонит каждый вечер, и я во всех красках расписываю ей прелести жизни в Л.А. Врать не так уж и сложно. У меня был отличный учитель.

Она все ещё в Луизиане. Это хорошо. Ей лучше не знать, что я каждый день возвращаюсь домой через зеркало, чтобы увидеться с Джуди на острове.

3 августа 2003.

Надо кое-что записать:

Шейна выдернули на какой-то проект, он уехал. Камила тоже куда-то намылилась. Я обрадовался, что останусь дома ночью один. Ночь, как известно, лучшее время для колдовства.

Ну как один? Где-то ещё прислуга, старая пуэрториканка, которая не говорит по-английски и всё время молится. Мой испанский так себе, потому мы с ней не нашли общего языка. Узнай она, кто я на самом деле, облила бы святой водой и ударила распятием по лбу.

По такому случаю я решил продолжить свои зеркальные эксперименты. Стал обходить дом, проверяя, все ли свалили, и наткнулся на Камилу.

Она сидела у бассейна и любовалась пейзажем. Там отличный вид на город и холмы.

Она кивнула на соседний лежак, попросила составить ей компанию.

«Ты же куда-то собиралась?»

«Тс-с-с. Просто посиди молча».

И мы сидели так какое-то время, смотрели на огни и звёзды. Было страшно неловко. Слишком уж это не в её духе. Камила постоянно болтает какую-то чепуху, и пять минут не может продержать свой напомаженный рот закрытым. А в тот момент она выглядела задумчивой и меланхоличной. Просто другой человек. Меня это насторожило, я спросил, что случилось.

Она отмахнулась. Встала с лежака, поцеловала меня в щёку и ушла.

Я искал её в доме, но так и не нашёл. Позвонил Шейну, но ответила его ассистентка, типа он очень занят, не может говорить, наберёт в конце смены.

Через пару дней приехала Камила. Все выходные она провела с друзьями в Вегасе. По её словам, в тот вечер она находилась далеко от дома. Чтобы не вызывать подозрений мне пришлось сказать, что я всё придумал.

Камила посмеялась. Заявила, что фантазия слишком «невинная» для моего возраста. Если уж я о ней что-то воображаю, мог бы себе ни в чём не отказывать, она разрешает. Ей это по-своему льстит.

Мерзость.

Она же моя мачеха!

Но кто тогда это был, если не она?

30 августа 2003.

На днях позвонила Лорна, она вернулась в Салем.

Жду посадки на рейс и листаю дневник.

Я, оказывается, с того странного эпизода ничего не писал. И не хотелось.

У меня давно не было такого хорошего лета! Я даже слегка обгорел, но не на пляжах Беверли-Хиллз, а на острове, пока прохлаждался там с Джуди.

Она захотела собрать гербарий и попросила помочь. Мы выбирали всякие растения, изучали, описывали и зарисовывали. Для своего возраста она неплохо рисует. Ещё листали всякие книжки, конечно. Джуди хоть умеет сама, но по-прежнему просит читать ей вслух, и очень забавно комментирует услышанное. У неё на всё есть своё мнение.

И никому не расскажешь, какой херней я занимался два месяца, засмеют. Нашёл себе, блин, компанию по уму – восьмилетку!

Но отключить голову тоже бывает полезно. Я смог хоть ненадолго забыть обо всяких ужасных вещах и упивался иллюзией нормальности, будто... ну, мы обычные люди, соседи, с разных концов улицы, а не из разных миров. Или, допустим, Джуди – моя младшая сестра.

Но у меня нет сестры. Нет братьев или кузенов. Нет собаки или кошки, потому что Лорна не потерпит «беспорядка» в доме. Нет друзей. Нет девушки. Никого нет.

Оправдывайся, придурок.

Написал это и почувствовал себя каким-то жалким. Но иногда просто-таки хочется лезть на стену от одиночества. Что плохого в том, что нашлась хоть одна живая душа, способная скрасить безнадежность?

Живая... мёртвая в нашем мире.

Лорна пришла бы в ужас, прознай про эти сопливые откровения.

Но она не доберётся до дневника. Только через мой труп.

Если я решу покончить с собой, оставлю ей подсказку, где он спрятан, но очень неявную. Пусть помучается, пока будет искать.

20 октября 2003

Я сдался.

Я буду презирать себя, но другого выхода нет.

Пришлось наступить на горло гордости и обратиться за помощью к Мэл.

Она ещё зимой раскаивалась за свои выходки, весной пыталась со мной помириться, но я её игнорировал. Летом она засыпала меня грустными сообщениями, всё спрашивала, почему Лорна приехала в Луизиану одна. Я отвечал, но сухо и кратко, просто чтобы отстала. Я в Калифорнии, тут круто и весело, мне некогда с ней переписываться. Пусть воображает себе жизнь в Л.А. и чахнет от зависти.

В сентябре мы стали общаться чаще.

Сейчас Мэл надеется, что мы приедем на Самайн, чтобы посетить прием у Луизы. Сестры Юга обожают эти лицемерные сборища, у них нет других радостей в их жалком существовании. Север тоже обязан там показываться, но в этот раз мама решила отправить вместо нас Вирджинию Уайт.

Типа Лорне за лето приелась Луизиана.

Но дело в другом: это ещё одна причина, по которой мне нужно лично переговорить с Мэл, кроме расследования. Поговорить и как-то не отвинтить её глупую голову.

Она, оказывается, зачем-то сдала нас Лорне. Не представляю, с какой целью. Ладно ещё растрепала про Луизу из вредности, но тут назрел серьёзный повод для скандала.

По вине Мелиссы мне пришлось выслушать от мамы много дерьма. Мэл ещё и обставила всё так, будто мы с ней переспали по моей инициативе. Типа я её к этому склонил, спасибо, что не силой.

Лорна битый час распиналась о различиях в традициях севера и юга, будто я об этом не знаю, а завершила свою речь рассуждениями о пользе контрацепции. Гадость. Кошмар и ужас. Не понимаю, как я позволил Мэл себя в это втянуть.

Итог таков: я наказан, никаких больше поездок в Новый Орлеан, раз уж я не способен себя контролировать и творю какую-то херню.

Написал Мелиссе, что нам надо СРОЧНО увидеться и тут же удалил сообщение. Отправил ей время и место встречи – пусть только попробует не прийти. Я специально выбрал придорожную забегаловку недалеко от логова Сестёр, туда ей будет легко добраться пешком через лес.

Она пришла, ещё и полезла обниматься. Ненавижу это. Я вообще с трудом сдержался, чтобы не отвесить ей оплеуху. А она напустила на себя трагичный вид и принялась по-идиотски оправдываться:

Она скучала и беспокоилась, что из-за той истории я больше не захочу её видеть. Ей было страшно одиноко, я её единственный друг, она боялась всё испортить. Даже прослезилась, но слегка.

Это уже перебор... Конечно, мне расхотелось на неё орать. Спросил только, зачем она всё-таки рассказала Лорне. Мэл заявила, что не видела другого способа до меня достучаться и как-то повлиять на ситуацию. Испугалась, что я её забуду, что завёл в Калифорнии кучу новых друзей и девушку. А потом опомнилась – как, кстати, я тут оказался? Как же школа?

Я не сказал, что переместился через зеркало. Это её не касается. Она не умеет хранить секреты, а этот слишком важный, куда важнее наших новогодних «приключений».

Но мне нужен её совет. Так она сможет загладить вину.

На это Мэл рассвирепела:

«Ит, ты совсем обалдел? Какая нахер вина? Это я виновата, что ты кончил за минуту? Надеюсь, ты хоть в Калифорнии времени зря не терял и потренировался! Это я заперта в Ковене, как в тюрьме, а у тебя столько возможностей, но ты ими не пользуешься! Да я бы на твоём месте...»

Господибоже!

«Заткнись, просто заткнись, Мелисса, или я тебя ударю, больно ударю».

Я тут же извинился, вспомнил, как её поколачивает мать и мне стало стыдно. Я не хочу уподобляться этой бешеной суке. Пригрозил, что просто уйду, потому что не хочу разговаривать с Мэл о каких-то глупостях. Чем вообще забита её голова? Мы маги или кто, что за подростковые бредни?

Мэл сразу притихла, и мы наконец-то смогли потолковать о деле.

В любом колдовстве важно намерение: чтобы сотворить *ignis pila*, чтобы кого-то проклясть, чтобы пройти через зеркало в другое место (это я опустил). Известны ли Мэл и Сестрам способы усилить намерение, сделать его более точным. Какие-нибудь упражнения по концентрации энергии, медитации, чушь в таком духе.

Она глубоко задумалась. И разразилась речью, перечисляя всё, что ей известно. На самом деле Мэл – ужасная зануда. Всё, что ей остается в стенах Ковена, – это набираться всевозможных знаний, чтобы не сойти с ума от скуки. Она много чего знает в теории, но некоторые сведения совсем бестолковые. Что-то я знал и без неё.

Из любопытного она упомянула магию крови – тёмную, запретную область. Ей скрепляются сделки, с ней творятся самые жуткие, но сильные ритуалы, она, говорят, сохраняет жизнь в вампирах, поэтому они вынуждены придерживаться своей специфической диеты. К этой магии прибегает и безумная мамаша Мэл, чтобы продлевать свою молодость.

Тут Мелисса насторожилась и стала расспрашивать, почему я этим интересуюсь.

Так я ей и сказал! Чтобы она сдала меня Лорне? Или ещё кому-нибудь?

Попытался отбрехаться, убедить Мэл, что активно готовлюсь к Посвящению, до него ведь осталось совсем немного. Ей бы тоже не помешало стать серьёзнее, собраться, время пролетит так быстро, что мы не успеем и глазом моргнуть. Но она не поверила. Я думал, что она опять начнет вредничать и давить, но нет. Её беспокойство казалось искренним.

Мэл сказала:

«В тебе что-то изменилось».

«Мы почти год не виделись, конечно, я изменился. Ты тоже, кстати. Подросла».

«Нет, твоя магия. Она стала какой-то другой, я чувствую. Что ты сделал? Во что ты ввязался, Ит?»

«Ты всё выдумываешь».

Я заторопился уйти, чтобы сбежать от дальнейших расспросов. Мэл ничего не могла поделать – ей тоже надо было возвращаться в Ковен, пока никто не заметил её отсутствия, или, что ещё хуже, не доложил её матери, что она сбежала, чтобы повидаться со мной.

Она бросила мне в след:

«Пожалуйста, будь осторожен».

Мне нечего было ответить.

Баловство с зеркалами одно, но магия крови – совсем другое. Меня и самого до дрожи пугает то, что я затеял. Но отступать уже поздно.

31 октября 2003.

Обитатели «Незримого мира» очень жалуют Самайн. В эту ночь магия просто-таки разлита в воздухе. Самое благоприятное время для колдовства.

Луиза проводит у себя вечеринки во все даты языческого «колеса года», но этот праздник отмечается с особым размахом. Конечно, Лорна не устояла. Она уехала в Новый Орлеан вместе с Вирджинией, показательно оставив меня одного.

Возможно, она о чём-то догадывается и хотела меня подловить. Но я не дурак. Знаю её ухищрения. Я не собирался проворачивать свои фокусы в особняке. Я заранее всё продумал и присмотрел более подходящее безопасное место.

Дом Сэнди Дэвис по-прежнему пустует. Накануне я забрался туда, чтобы осмотреться. Внутри оказалось довольно чисто. Пахнет затхлостью и сырой штукатуркой, но, к счастью, здесь не побывали бродяги или соседская детвора. Напридумывали себе страшилок и остерегаются сюда соваться. Идеальное место.

Я столкнулся с другой проблемой: понял, что не смогу убить животное для ритуала. Стало худо от одной мысли об этом. Пришлось потом вернуть морскую свинку обратно в зоомагазин. Ну как её убить, когда она такая хорошенькая? Боже, ну я и идиот всё-таки. Не выйдет из меня толкового колдуна.

Если нужна кровь, то пусть будет моя. Вроде как, принимают и такую плату. Может так будет лучше. Собственная жертва.

Глупое оправдание своей мягкотелости.

Хотел взять нож с рукояткой из оленьего рога, семейную реликвию, но решил, что Лорна ещё чего доброго заметит пропажу. И обычный кухонный подойдёт.

Крови пустил достаточно, но ничего не вышло.

В первое мгновение я обрадовался, ведь всё было иначе, не так, как обычно. Зеркало ожило, но его поверхность стала чёрной, а не серебряной. Оттуда повеяло холодом и запахло прелой листвой, как в лесу поздней осенью. И тут же метаморфозы закончились.

Оно треснуло.

Что я сделал не так? Не понимаю.

И, чёрт возьми, мне ещё не скоро представится возможность снова попробовать. Не понятно, когда это будет. Пока придется очень тщательно прятать порез на руке, Лорна может заметить. Ещё подумает, что я пытался покончить с собой.

Впрочем, что это, если не изощренное самоубийство?

То, чём я занимаюсь.

11 ноября 2003.

Я всё думал, думал, думал, но толком ни к чему не пришел. Как же сложно двигаться вслепую, без единой подсказки, снова и снова натываясь на тупики!

А чего я хотел? Я сам полез в тёмную, неизученную область.

Но так даже интереснее. Трудные задачи дают пищу для ума. Только ум... голова уже порядочно раскалывается от попыток найти решение.

В какой-то момент не выдержал, сбежал ночью на тот гавайский пляж прямо из своей комнаты, плюнул на то, что Лорна может спалить моё отсутствие.

Сидел на берегу, смотрел на закат, листал какую-то книжку о всяких суевериях и гаданиях, хотя читать в темноте – плохая идея. Зрение и так садится. Не знаю, является ли это последствием штучек с зеркалами, как, например, частые мигрени, но разбирать текст становится всё труднее даже при нормальном освещении.

Наверное, по этой причине, когда я уже шёл к отелю, мне и померещилось знакомое лицо. Испугался, что это Камила, но издали было непонятно, возможно просто похожая девица.

Не следит же она за мной?

Стало как-то не по себе. Кажется, у меня после того летнего эпизода развилась паранойя. А мачеха, скорее всего, просто поиздевалась надо мной и тем вечером была ещё дома.

Я не верю в совпадения.

В мире, где есть магия, их не бывает.

13 ноября 2003.

Самая идиотская ссора с матерью из всех, что случались за мою жизнь:

Лорна прикопалась ко мне из-за проблем со зрением. Типа пора идти к окулисту, будто я сам не знаю. А я принялся спорить – ничего подобного, я отлично вижу, не стану я носить идиотские очки, в школе будут дразнить.

Демонстративно взял газету, сделал вид, что читаю, но мама разошлась ещё больше, потому что теперь мне приходится сильно щуриться, чтобы разобрать текст. Только я уже не слушал ругань Лорны, заметил кое-что интересное – в самом конце выпуска нашлось объявление о продаже зеркала. Крупный шрифт выбивался из остальных заметок.

Я получил подсказку, в которой нуждался.

21 ноября 2003.

После дня рождения скопилось достаточно средств, чтобы приобрести то зеркало. Оно, вроде как, очень старое. Мне почему-то кажется, что с таким зеркалом всё должно получиться.

Но есть одна загвоздка: Лорна.

Она сразу всё поймет, если я притащу эту рухлядь в особняк. Прятать его в доме миссис Дэвис тоже не вариант. Лорна рано или поздно спалит, что я там пропадаю, и вопросов станет ещё больше.

Мама, конечно, обратила внимание, что я зачем-то откладываю карманные деньги. Прицепилась с расспросами. Это показалось ей странным. Со средствами у нас никаких трудностей нет, что мне ещё понадобилось, к чему секретность.

Её первое предположение было, что я собрался снова поехать к отцу. Она тут же заверила, что сама оплатит билеты и покроет все расходы в поездке. Но потом стала нести какую-то чушь о Мелиссе, мол, я намереваюсь тайно встретиться с ней, вопреки всем запретам. Хватит играть в «Ромео и Джульетту» и бла-бла-бла. Ох, боже, ну и бред.

Мне удалось выкрутиться. Решение нашлось само собой: типа я просто хочу купить тачку, почему бы и нет? Все одноклассники, у кого нет личного водителя, ездят в школу на своих. А я не хочу водить наш ублюдский винтажный кадиллак, похожий на катафалк. Надо что-нибудь нормальное, более современное, чтобы одноклассники не подняли на смех. Мы и так живем в старом кошмарном особняке и выглядим, как долбанная семейка Аддамс. Наша машина, оставшаяся от бабушки в наследство – вишенка на торте, такая она жуткая.

Лорна побурчала, но сдалась. Окей, она сама займется покупкой автомобиля, чтобы он в первую очередь был безопасным. Деньги могу оставить себе. Она также выдвинула условие: тачка появится только после того, как я наконец-то посету окулиста. Иначе она не пустит меня за руль.

Вообще я этого не планировал, но даже выиграл от этой ситуации.

Зеркало можно будет хранить в багажнике, пока не придумаю, куда его деть.

15 декабря 2003.

Давно не заглядывал на остров к Джуди.

Осенью она появлялась редко, а прошлой зимой почти не приходила, скорее всего, в этот раз будет также. Но я всё равно решил туда наведаться, ведь собираюсь уехать и долго её не увижу.

Я ещё не говорил с матерью о своих планах, но меня не волнует её мнение. Я просто поставлю её перед фактом, как любит делать она. Лорна сама в ноябре предложила профинансировать поездку к отцу, пора ей об этом напомнить. Шейн – часть плана. С паршивой овцы хоть шерсти клок, как говорится.

На берегу снял долбанные очки и чуть по слепоте не сверзился в воду, перебираясь на остров. Не хочу, чтобы ещё и Джуди надо мной потешалась. Хватило того, что в школе сразу прозвали «профессор Уокер». Ненавижу это отребье. Но Мэл права, я, наверное, и правда представляю из себя крайне идиотское зрелище.

Джуди на месте не было. Я расстроился, но прогнал мысли о том, что больше никогда её не увижу.

Если так и не найду, как попасть в её мир.

17 декабря 2003.

Мама сказала:

«Ты подозрительно притих, Итан. Что случилось?»

Я подготовился. Напустил на себя виноватый вид.

«Я хочу поехать к Шейну на каникулы, но не знал, как ты на это отреагируешь».

Она кивнула. Молчала несколько минут. Очень сильно стиснула несчастную чашку, но так и не бросила ни в меня, ни в стену.

Их отношения с отцом загадочны и непостижимы. То она не против его присутствия в нашей жизни, то бесится. Сейчас второе. Понятия не имею, что временами на неё находит.

Мне кажется, это ревность. Она привыкла считать меня своей безраздельной собственностью и не может примириться с мыслью, что кто-то ещё заимел на меня права. Условно.

Шейну это не особенно нужно. Он, вроде как, уже потерял интерес. Он, поди, заключил, что пользы от меня никакой – одни проблемы. Или понял, что момент упущен, и нам никак не восполнить потерянное за целую жизнь. Я тоже смирился.

Мама выиграла противостояние с ним, но ей нельзя об этом знать. Она то думает, что я серьёзно настроен на сближение с обрётённым папашей.

Потому она опять завела свою шарманку о том, что Шейн *не такой, как мы* и мне не стоит «увлекаться» этим общением.

Я напомнил, что она сама виновата, сама в прошлом году зачем-то нас познакомила. Из песни слов не выкинешь. Лорна перебесилась и приняла мою правоту. Она учила меня нести ответственность за свои поступки. Тут ей не отвертеться.

Кажется, мне удалось её обдурить. Мама – тонкий манипулятор, но у меня было достаточно времени, чтобы до мелочей продумать каждый ход в своей партии.

31 декабря 2003.

Получай, ты заслужила!

Но моё злорадство было недолгим, мне стало её жаль. Лорна не поехала в Новый Орлеан, не навязалась со мной, предпочла остаться одна в большом, пустом, мрачном особняке. Теперь я чувствую себя последним куском дерьма из-за того, что её бросил. Она, конечно, придумает, как себя развлечь, но оттого не легче.

Она, скорее всего, проведёт время с Вирджинией, они довольно много общаются. Вирджиния тоже одинока, её муж давно умер, а детей у неё нет. Вирджиния, кстати, из всех северных ведьм самая приятная и адекватная. Она ровесница мамы, может чуть младше, остальные уже совсем древние старухи. Они наводят на меня жуть, хорошо, что я редко с ними вижусь. Но со следующего года придется чаще, что удручает. После долбанного Посвящения мне не отвертеться от делишек Ковена.

Они тоже не в восторге. Колдунов в их рядах не было лет... сто, если не больше. Они не понимают, как себя вести. «Повезло» мне, однако. Я чужак и для смертных, и для *своих*.

И для Шейна. Зря мама так боялась, что мы с ним сблизимся. Этого не будет. Мы слишком разные. Я вообще начинаю сомневаться, что он мой отец, ведь кроме каких-то общих чёрт во внешности нас ничего не роднит.

Он ужасен. Л.А. ужасен.

Меня хватило ровно на неделю, прежде чем мне захотелось плюнуть на всё и сбежать домой. Невыносимо терпеть общество постоянно пьяного и обдолбанного Шейна, его безмозглой жены и окружающих их болванов. Из-за праздников в доме проходной двор. Здесь шумно, накурено, слоняются какие-то непонятные типы, шлюхи, алкаши и наркоманы. Прислуга едва поспевает убирать за ними беспорядок. Не могу ни на чём сосредоточиться из-за ора музыки. И вечно кто-нибудь лезет с тупыми расспросами.

Меня бесит внимание. Его слишком много.

Ух, ты, у Шейна оказывается есть взрослый сын – унылый зануда в дурацких очках. Не веселится с нами, а только постоянно смотрит на всех волком. Не нюхает, не курит, не пьёт. Пью, но не с ними.

В итоге я засобирился обратно в Салем. Сделаю маме сюрприз. А заодно застигну врасплох, посмотрим, чем она там без меня занимается. Но перед отъездом нужно было сделать дело, ради которого я сюда притащился. И я долго выгадывал момент, чтобы Шейн был в адекватном состоянии. Не слишком пьяным или угашенным. Это оказалось непросто, ибо он конкретно так ушёл в загул.

Я сказал ему, что мне нужна его помощь. Он заинтересовался. Речь я продумал заранее.

Мол, мама **слегка** душит меня своей «любовью». Мне всё-таки уже семнадцать, я нуждаюсь в личном пространстве, надо потихоньку сепарироваться от Лорны с её гиперопекой и диктатурой. Нет, я не хочу переезжать в Калифорнию, мне не нужен колледж на западном побережье. Кое-что другое.

Первое: деньги, не находящиеся под контролем мамы, не хочу больше отчитываться перед ней за каждый потраченный цент.

Второе: съёмная квартира в Новом Орлеане.

Шейн удивился:

«Зачем тебе понадобилось это болото, малец?»

Для чертовых «анджелинос», болото, наверное, всё, что находится за пределами их пыльных холмов.

Я был готов к этому вопросу. Я долго выбирал место, прежде чем остановился на Новом Орлеане. Доступных вариантов было немного, только те, где я уже побывал, потому смог бы переноситься туда через зеркало. Л.А. и Гавайи мимо, но нужно что-то подальше от Массачусетса, чтобы не попасться кому-то из знакомых или нашего Ковена.

Новый Орлеан я знаю достаточно хорошо, да и его магические обитатели не мешают. Южанки торчат в своём лесу на севере штата, в город не суются. Луиза и её семья тоже избегают людских скоплений, особенно днём. Вудуисты... они держатся особняком, им нет дела до возни белых магов.

Но для Шейна я подготовил другое объяснение: в Луизиане у меня подруга. Я даже не соврал, ведь технически Мелисса и правда там живет, но в логове сестёр, а не в городе. Это я тоже учёл. Если что я смогу обратиться к ней за советом.

Шейн пришёл в бурный восторг. Так впечатлился, словно я ему сообщил, что сделал открытие, удостоенное Нобелевской премии. Он принялся улюлюкать и хлопать меня по плечу, за что мне тут же захотелось оторвать ему руки.

«Значит, квартира для свиданий. А что за девушка? Как познакомились?».

Вот что ему ответить? Злобная маленькая сучка, которую я знаю с детства? Ведьма из «вражеского» лагеря. И вовсе она мне не девушка, а друг. И как её описать? Я так растерялся, что не смог припомнить, какого у неё цвета глаза. Зелёные или серые? Никогда не акцентировал на этом внимание, но сразу вспомнил о синяках от побоев. Я часто помогал их обрабатывать. Но о таком нельзя говорить.

Шейн расценил заминку по-своему.

«Или не девушка?»

Прекрасно.

«Ладно-ладно, дело твоё, я, если что, не осуждаю...»

Я кое-как выдал из себя:

«Девушка. Она очень необычная».

Вполне подходит. И к Мелиссе, и даже к Луизе Ришар, если уж на то пошло. Луиза тут ни при чём. Что-то подсказывает мне, что она перегрызёт мне глотку не будет в восторге, если узнает, чем я занимаюсь.

Шейн согласился. Будут и деньги, и квартира, он всё организует. Ради дел сердечных он постарается, как тут отказать. Ага, «дела сердечные». Мутные делишки с зеркалами, запрещённая магия и кровавые ритуалы.

2004

2 января 2004.

Я вернулся домой. Мама, конечно, несказанно удивилась.

Спросила, что стряслось, ведь я собирался провести в Л.А. все каникулы. Не поссорился ли я с отцом?

И не надейся.

Заверил, что нет, отец просто душка, а в Калифорнии невъебаться, как весело. Просто я соскучился по ней и не хотел бросать её одну так надолго.

Лорну мои сентиментальные речи не тронули. Надо думать, она мне не поверила. Она не озвучила своих подозрений, но её картинно выгнутая бровь сказала всё за неё.

16 января 2004.

Шейн не торопится исполнить обещанное. Я боюсь, как бы он запамятовал про тот разговор, ведь был, по обыкновению, слегка пьян. Слегка, а не валялся в отключке, но всё же я слабо надеюсь на ясность его ума в том состоянии.

Какой же он жалкий! Не понимаю, зачем он творит это со своей жизнью, если его всё устраивает. Или нет? Мне всегда казалось, что люди хватаются за бутылку от безнадёги. Видимо, не всегда. Возможно, ему просто скучно.

Но в разговорах с мамой яставляю его как недостижимый идеал. Ей нельзя знать, что я о нём думаю. Это похерит весь план.

Перемирие между мной и Лорной, увы, было недолгим. Ей польстило, что я предпочел провести время с ней, но вскорости нашёлся повод, чтобы она снова обозлилась и принялась сверлить мне мозг.

Мы опять поругались. Практически на ровном месте, причина конфликта изначально была невинной. А там слово за слово... и как обычно.

Всё дело в дурацких очках. Я отказался дальше их носить, выбросил и заменил на контактные линзы.

У Лорны это вызвало страшное недовольство, мол, я испорчу глаза, занесу какую-нибудь инфекцию и бла-бла-бла. Но ей просто не нравится, когда я поступаю по-своему. Она решила, что будут очки, значит, очки. Но мне надоело под неё прогибаться, я настоял на своём. Пошла она со своими требованиями. Если её что-то не устраивает, я уеду жить к Шейну, ведь скоро уже закончу школу.

Лорна принялась верещать что-то про Гарвард, про то, что в нашей семье все учились в университетах «Лиги плюща», нельзя нарушать традицию и размениваться на меньше. Я же люблю читать, мог бы **выбрать** гуманитарную специальность, вроде литературоведения или истории. Да хоть техническую, у меня и с точными науками всё нормально. Я вхожу в число лучших учеников своей школы, а она считается очень престижной и даёт неплохой старт. Словно могло быть иначе! Мама говорит: «будь лучшим, иначе зачем вообще быть».

Я посмеялся над Лорной.

«Выбор? О каком нахер выборе ты говоришь? Он у меня есть? Да ты что!»

Она привычно пожурила меня за сквернословие и завела свою любимую песню:

«Ты прав. У тебя нет выбора. Учеба – только прикрытие, но ты никуда не поедешь. Забыл, какая у тебя роль?».

Чтобы добить, она пригрозила, что меня найдут и убьют. Здесь я под её защитой, под защитой нашего Ковена. Та же мать Мелиссы с удовольствием со мной расправится, если я буду болтаться в Калифорнии или где-то ещё. Подошлет своего черноглазого гада и он свернёт мне шею в тёмном переулке.

«Мой брат...»

Она вдруг осеклась.

«Он что... был таким же, как я?»

«Нет, но... **Не будем об этом**».

Она поняла, что сказала лишнего и поспешила перевести тему. Тут же стала смертельно-печальной и попыталась сделать вид, что разделяет моё недовольство. Какая же она, чёрт возьми, хитрая. Чёртова манипуляторша. Сказала так тихо, словно ей стыдно в этом признаться:

«Я тоже это не выбирала, Итан. Мне жаль. Другого пути нет».

Ей жаль. Нифига ей не жаль. Но она ошибается. Есть другой путь. Он ведёт в зеркало.

29 января 2004.

Шейн всё ещё молчит.

Я устал ждать, но и дёргать его слишком часто не стоит, чтобы не подкреплять Лорну в её подозрениях. Она и так после той ссоры ходит злая и мрачная, больше, чем обычно. Поди ждёт, что я начну собирать вещи для эмиграции в Л.А. С особой тщательностью следит за каждым моим шагом, даже дневник лишний раз доставать опасно, чтобы она не пронюхала, где он спрятан. И пока никакого острова. Никаких зеркал.

Тоска смертная.

Недавно на парковке у школы ко мне подошла одноклассница. Мы прежде не общались, за годы учёбы и пары слов друг другу не сказали. Она... обычная девчонка, серой мышью не назовешь, но и не отвечает. Некоторые люди как массовка в кино – что они есть, что их нет. Я как-то не обращал внимания на её существование.

Она вдруг спросила, куда делись очки. Отмахнулся, что куда надо, туда и делись. Они мне не нравились, их больше не будет. Тема закрыта. А она заявила, что ей жаль, потому что «они мне шли». И вообще – «не стыдно быть умным и начитанным».

Чушь какая-то. Я только после понял, что это был такой нелепый подкат. Мне всё это, конечно, не нужно и не интересно сейчас, но из этого могла бы получиться польза.

Лорне бы понравилось, что я углядел тут возможность. Она же хочет, чтобы я стал таким же, как она – хитрым и изворотливым. Что же...

Мы с той девчонкой идем на выходных в кино, но никакого продолжения тому не будет. Мне просто нужна «легенда», чтобы выбираться на остров. Сто лет не видел Джуди. Надо проверить, явится ли она ещё.

Девчонку из школы Лорна ещё переварит, а вот маленькую подружку из другого измерения вряд ли.

15 февраля 2004

В феврале меня всегда накрывает депрессия, становится тошно от зимы. Она кажется бесконечной, ведь в марте погода в Новой Англии тоже поганая. Только в апреле станет полегче.

Немного отвлекает учёба. В выпускном классе большая нагрузка, все готовятся к экзаменам и выбирают, куда идти дальше. Мы пару раз повздорили на эту тему с Лорной, но так ни к чему и не пришли. Я думаю, что колледж вообще придется отложить.

В ноябре меня ждёт Посвящение, а после него нужно будет «въезжать» в дела долбанной общины. Мама не вдаётся в подробности того, как проходит инициация, правила запрещают. Но я не жду ничего хорошего. У магов чокнутые обычаи, скорее всего, это пренеприятная процедура, которая мне ничуть не понравится.

Не исключаю, что это опасно для жизни. Я хотел бы избежать Посвящения, но, боюсь, не получится. Шейн все ещё кормит меня обещаниями. Пока вся надежда на него.

Чтобы не сойти с ума от нескончаемой зимы, я ишу в своём безрадостном существовании что-то хорошее.

Первое: иногда посещаю тот гавайский пляж, чтобы посмотреть на солнце, садящееся в океан. Хотя бы не забуду, как оно выглядит, а то в Новой Англии небо постоянно затянуто облаками. У семейки Луизы и то более здоровый цвет кожи, чем у жителей нашего города.

Второе: Джуди. Я хожу на остров, прикрываясь свиданками с одноклассницей. Приходится отгонять машину в центр города, чтобы усыпить бдительность Лорны, а потом добираться обратно на общественном транспорте, но иначе никак. Не слишком часто, но моя мелкая подружка из другого измерения всё же приходит. Она подросла и поумнела.

Ей уже девять, но ещё рано спрашивать её, как она проворачивает свои передвижения между мирами. Пока с ней приятно и просто провести время.

Странно. Я не люблю детей, никогда не стремился с ними общаться. Это, наверное, какая-то чокнутая форма стокгольмского синдрома, что я к ней прикипел. Ведь мы с Джуди в каком-то смысле связаны.

Связаны смертью. Связаны островом.

Я хочу попасть в её мир. Там, скорее всего, я мёртв, а значит свободен.

16 марта 2004

Наконец-то!

Шейн сам позвонил. Предложил провести с ним выходные на день Святого Патрика, почему-то в Нью-Йорке. Не помню, писал ли я здесь, как я ненавижу этот город. Там слишком много... всего. Людей, машин, шума. Вот где бы я точно не хотел жить. Калифорния и то лучше.

Лорна крутилась поблизости, чтобы подслушать, о чём мы договариваемся. Обиделась, наверное, что он не приехал, как в том году. А может и нет, её не поймешь. Поджала губы:

«С каких это пор Шейн стал ирландцем?»

Я объяснил, что ему, в сущности, плевать на праздник. Просто он любит кутить, ему нужен повод, а тут он весомый. Можно подумать, она не знает.

С Шейном ей всё понятно, а со мной нет. Мне то это зачем? Я не поклонник таких развлечений, меня пьяными студентками и «гиннесом» из дома не выманишь.

Я всё тщательно взвесил – дурное влияние отца или мутные эксперименты. Выбрал меньшее зло, гореть мне за это в аду.

Но цель оправдывает средства. Так что принялся убеждать Лорну, что мне захотелось как-то разнообразить свою жизнь. Мне, в конце концов, уже семнадцать. Она сама заверяла, что мы можем «проводить время» с простыми людьми, в этом нет ничего плохого. Почему бы не гульнуть как следует, а то потом, после Посвящения, уже будет не до того. Да и надо будет уже подыскивать себе «подходящую партию». Её слова. Я, в отличие от матери, не собираюсь изменять, даже если брак будет построен на чистой выгоде. Как-то это гадко.

Аргументы звучали весомо. Лорна их приняла. Попросила «не увлекаться», но всё же добавила, что гордиться мной, раз я стал «по-взрослому» смотреть на вещи. Она меня отпускает. Но, конечно, только на выходные.

А Шейн не дурак, нужно отдать ему должное. Он не просто так всё это затеял, повод выбрал хороший. День Святого Патрика не вызывает таких подозрений, как, например, если бы он вдруг позвал отметить с ним Жирный вторник в Новом Орлеане.

Мама бы быстро почуяла, что тут дело нечисто.

25 марта 2004.

Отлично, теперь у меня есть всё необходимое, чтобы наконец-то приступить к осуществлению задуманного.

Печально, что я кучу времени потратил впустую, но вместо сожалений лучше займусь наверстыванием упущенного за эти месяцы.

Шейн всё выполнил. Привез мне одну из кредиток Камилы, а ещё арендовал квартиру в центре Нового Орлеана.

Она небольшая, удобная и по-своему уютная. Дом, мебель и ремонт очень старые. Радует, что обошлось без какой-нибудь неуместной, непрактичной роскоши, что отец не стал навязывать мне свой мещанский вкус. Молодец, выбрал что-то нейтральное.

В пешей доступности всё, что может понадобиться. Я нашёл даже два антикварных магазина, хотя пока не изучал их ассортимент.

Всё рядом, не придется лишний раз рисковать нарваться на знакомых, шныряя по городу. Очень скверно выйдет, если я столкнусь с кем-то из южных Сестёр или вампиров. Но я не планирую появляться тут ночью, а днём Луиза и её семья надёжно спрячутся.

А ещё в качестве приятного бонуса в квартире обнаружилось старинное зеркало. Шейн не в курсе моих планов и точно не имеет к этому отношения. Будем считать, что мне в кои-то-веки улыбнулась удача. С этого зеркала и начнём.

Но это потом, пока нужно оснастить квартиру всем, что может пригодиться:

Книги, которые нельзя держать в Салеме. Ещё один мобильный для связи с Мэл. Другой ноутбук, потому что исчезновение старого из особняка неминуемо повлечёт за собой вопросы. Может купить пробковую доску, чтобы наглядно фиксировать результаты. Или это уже перебор?

Всегда хотел иметь пробковую доску, как в детективах. Но не так сильно, как «свою» квартиру, о которой не будет знать Лорна.

20 мая 2004.

Черноглазый козёл сказал:

«Важно намерение. Дверь не откроется, если не сформулировать, куда вы хотите попасть».

Пока нет возможности приступить к делу, обдумываю его слова так и этак. Перебираю в голове все подробности прошлой неудачной попытки, чтобы выявить слабое место, и потихоньку собираю информацию. Накануне выпускных экзаменов можно пропадать в библиотеке сколько угодно.

2 июня 2004

Прошло два года. Меня уже так не штормит, как раньше, но всё равно хожу сам не свой.

Всё решаю, куда пойти по такому случаю – на остров или на кладбище, к живой или мёртвой Джуди. Все осложняется тем, что накануне выпуска Лорна сделалась особенно подозрительной. Наверное, думает, что я планирую всё-таки сбежать к Шейну, потому что вопрос с колледжем по-прежнему висит в воздухе.

Но нет, я ошибся, тут что-то другое.

За завтраком Лорна будто бы невзначай бросила:

«Я рада, что ты больше не **беспокоишься** из-за той девочки»

Ага, как же. У меня память, как у золотой рыбки, я уже всё забыл. Забыл, что натворил, пусть и ненамеренно. Но пусть считает подобным образом. Или нет – ведь она не просто так завела об этом речь. Ведьмы ничего не делают без причины. Тем более Лорна.

«Она, кстати говоря, больше не появлялась?»

«Нет. Она мертва, откуда ей взяться? Я не уверен, что вообще тогда её видел».

«Но я **тоже** её видела».

«Это была коллективная галлюцинация»

«Не иначе».

Так она намекнула, что догадывается. Не знаю, сколько ей известно, но всё это очень плохо. А я то наивно думал, что мои походы на остров остались незамеченными, что мне удалось переключить её внимание на Шейна, Мелиссу и другие вещи.

Пришло время подготовить план Б. У меня уже есть для него наработки, придется в срочном порядке доводить их до ума. Не ровен час, Лорна прознает и о квартире, и о моих экспериментах, и о договоре с отцом... и пиши пропало.

18 июня 2004.

И никому не расскажешь про наши «игрища» с матерью, кроме этого дурацкого дневника. А жаль. Это довольно занятно.

Я основательно готовился к показательному выступлению. Всё-таки одно дело – устраивать истерику, другое – изображать истерику. Сам не ждал, что у меня так правдоподобно получится напустить на себя трагического пафоса. Сколько же в моём лице потеряла школьная театральная студия, когда я её бросил! Зато пригодились кое-какие навыки, приобретённые там много лет назад.

Я сказал Лорне, что тихарился последние полгода, потому что серьёзно настроен переехать к отцу. Дело даже не в Шейне. Просто он обещал меня устроить, сулил карьеру у себя на студии. Кино – это круто. Кино – это своего рода магия. И плевать я хотел на Ковен, «предназначение» и прочую хрень. Мне это неинтересно, не нужно и так далее. Я смогу жить среди смертных и помалкивать о том, кто я на самом деле. Я не боюсь. Я смогу за себя постоять. Лорна нашла, блин, беспомощного щенка – пусть только попробует кто ко мне сунуться.

Бах. Минус одна антикварная ваза. Мне не привыкать, за годы маминых экспрессивных проявлений я неплохо научился уворачиваться от барахла, попавшегося ей под руку. Иногда мне кажется, что Лорна тоже ненавидит этот дом и получает особое удовольствие, круша его убранство. Возможно, она просто устает держать на лице маску невозмутимости. Эмоции никуда не деваются, они томятся внутри и ищут выход. Со стороны она кажется очень спокойной, отмороженной и совсем бесчувственной, но я то знаю, какая она вспыльчивая. Это у нас семейное.

Я выслушал её гневные вопли и продолжил.

Я не в восторге, что вытянул «счастливый» билет и унаследовал магию. Я хочу жить простой человеческой жизнью, как это делали все мужчины в нашей семье. «Незримый мир» принадлежит женщинам, вряд ли ведьмы захотят подвинуться. Они ненавидят перемены. Меня не примет даже наш Ковен, что говорить об остальных... Не лучше ли отступить, пока не поздно? До Посвящения. Там, вроде как, уже не будет другого пути. Хотя бы попробовать.

Лорна заявила, что с этим я опоздал. Я слишком много знаю, меня никто не отпустит.

Она хотела сказать, что сама меня не отпустит. И все же я принялся торговаться – просил несколько лет. Я поживу у отца, получу образование, поработаю, а там посмотрим. Мне нужно время. Немного времени.

Тогда Лорна прикинулась, что смирилась. Несколько лет, так несколько лет.

«Но я буду очень по тебе скучать».

Из неё обычно тёплого слова клещами не вытянешь. Это – запрещённый прием. Но я хорошо знаком с её уловками. Одна из них:

Хочешь удержать, сделай вид, что отпускаешь.

Чувство вины сделает всё за тебя.

25 июня 2004.

С небольшой сумкой и школьным аттестатом на руках я поехал в Л.А.

Шейн встретил меня в аэропорту. Он сильно удивился моему решению переехать к нему. Я, вроде как, не собирался. И не сказать, чтобы старик обрадовался. Он про тот эпизод с дневником уже и думать забыл.

Лорна ходила последние дни несчастная, бледная, как привидение, и постоянно драматически вздыхала. По ней самой любительский театр плачет. Всучила мне красивое издание «Смерти Артура» Томаса Мэлори в качестве «прощального» подарка. Будто я не в другой штат собрался, а на луну. С этим толстенным фолиантом полупустая сумка заметно потяжелела.

Шейн всё чесал репу, размышляя, что теперь со мной делать, ведь с поступлением куда-либо я уже опоздал. Он пообещал, что кому-то там позвонит, чтобы не терять время, пока поработать и набраться опыта, да тут же забыл. У него самого хватает работы, сейчас не до

этого. Я заверил, что сам разберусь. Мне пока надо отдохнуть от матери и подумать о своей дальнейшей жизни.

Кстати о ней. Лорна выждала пару дней и позвонила. Скорбным тоном спросила, не передумал ли я.

Нет.

Я вернусь домой, но позднее. Таков план. Пока всё идет, как надо.

30 июня 2004.

Моя гениальная задумка пошла прахом. Треснула вместе со вторым испорченным зеркалом. Я знатно вышел из себя, нашёл на съемной квартире молоток и докрушил осколки в стеклянную труху. Но выместить злость и разочарование от неудачи было просто-таки жизненно необходимо.

Еще и на Камилу наорал. Она докопалась до меня, почему я всё время торчу в комнате, хотя на улице такая расчудесная погода. Не её собачье дело! Мачеха назвала меня шизиком и призналась, как её бесит, что я к ним притащился. Сидел бы в своём Массачусетсе, раз мне тут так не нравится. Ни она, ни Шейн не собираются со мной нянчиться. У меня для этого есть мамаша, привычная к моим выкрутасам. Сдался им тут неуравновешенный псих.

Совершенно с ней согласен.

Нет смысла задерживаться у отца, раз вторая попытка с зеркалом провалилась. Мне придется поискать другое, но на это понадобится время. Да и перед этим стоит разобраться, почему ничего не выходит.

Ведь я был так близок! В этот раз метаморфозы продолжались дольше. Я что-то видел в портале, какой-то далекий свет, прежде чем всё закончилось. Не понимаю, в чём проблема. Мало крови? Нужна всё-таки не моя, а чужая? Другое, какое-то специальное зеркало? Скорее всего, дело в этом.

А ещё Мэл как-то сказала, что до Посвящения наши способности сильно купированы, только потом они раскроются в полной мере, могут проявиться даже какие-нибудь «особые» таланты, например, как у её матери. Она стала телепатом после инициации, хотя такое редко бывает. Лорна тоже не с рождения владела пирокинезом. Видимо, придется набраться терпения аж до ноября.

Зато мама обрадуется моему скорому возвращению. И Джуди... не придется расходовать силы, чтобы переноситься домой и видеться с ней.

5 июля 2004.

Сказать, что мама была удивлена моему появлению на пороге, ничего не сказать. Я специально не предупредил её, что еду в Салем, чтобы усилить произведенный эффект.

Лорна даже слегка испугалась. Всё расспрашивала, почему я здесь.

У меня была заготовлена душещипательная речь:

Я понял, что не могу тебя оставить. Это предательство. Ты всегда была рядом, а отец продалбывался где-то большую часть моей жизни. Он заверял меня, что не знал о моём существовании, но я не сильно то ему верю. Если бы ему было нужно, то он ещё тогда докопался бы до правды. И бла-бла-бла в таком духе.

Лорна стояла с открытым ртом. Но я ещё не всё сказал!

Я осознал важность Посвящения (и тут я ничуть не врал!). Нужно усиленно готовиться к этому событию, ради такого придется пожертвовать даже учебой, отложить колледж на год, а то и на два. Есть вещи куда важнее «легенды». Я не просто так получил свой «дар», глупо бежать от судьбы.

Мне ничего не пришлось выдумывать, я просто «склеил» свою отповедь из всех слов и формулировок, что когда-либо слышал от Лорны. Ей это понравилось. Она чуть слезу не пустила.

Сказала, что гордится мной, что я наконец-то повзрослел.

8 июля 2004.

Лорна стала как шёлковая, и заметно расслабилась, перестала так навязчиво контролировать каждый мой шаг. Хочу идти на остров, пожалуйста. Хочу поехать куда-то на целый день, не отчитываясь в мельчайших подробностях, куда и зачем, пожалуйста.

Давно нужно было научиться играть по её правилам, это куда результативнее, чем постоянно с ней препираться!

Когда я уезжаю, она, наверное, думает, что я встречаюсь с той девчонкой из школы, хотя мы порвали ещё в конце мая. Я, конечно, не поставил маму в известность, её неведение мне на руку. У нас был разговор на эту тему весной, тогда Лорна напомнила, чем чреваты связи с простыми людьми. Я успокоил её, что всё прекрасно понимаю. У меня нет планов на счёт этой девушки, и тем более чувств к ней, мы просто «проводим вместе время».

Собственно, поэтому я с ней и порвал. Ещё куда ни шло браки по расчёту, что постоянно заключались в нашей семье во имя выгоды и удобства, но тут дело другое. Когда у одного человека есть какие-то ожидания, а у другого нет – как-то это несправедливо. Девчонка хорошая, она не заслужила быть обманутой. Стоило ей завести речь о «нашем» будущем после школы, я понял, что пора заканчивать. Мне нечего ей предложить. Наследство семьи сомнительная компенсация за опасность, которой она подвергнется, находясь рядом со мной. Соседство с «Незримым миром» плохо заканчивается для непосвящённых.

Во время весенней нравоучительной беседы Лорна снова упомянула своего брата. Раньше она скармливала мне версию, что он погиб в результате несчастного случая, но вдруг рассказала больше. Видимо, она сочла, что я стал достаточно взрослым для правды. И это весомая причина, чтобы держаться подальше от простых людей. От кого-либо вообще.

Его убили. Он не унаследовал магию, но случайно о ней узнал.

Вот так.

Если уж не пощадили кого-то из нашей семьи, то точно не стоит втягивать посторонних.

12 июля 2004.

Я планировал продолжить свои эксперименты, даже отыскал парочку «интересных» зеркал, чтобы снова попробовать. Но чёрта-с два я этим занялся.

Мама зачем-то пригласила Мелиссу к нам погостить. И вот, что странно – Мэл к нам отпустили, да ещё и на всё лето.

Это просто провал.

Суший кошмар. Мэл – это кошмар.

Возможно, Лорна всё-таки заподозрила, что моя покорность и согласие с её доводами – лишь притворство, потому подговорила Мелиссу шпионить. С ней на хвосте я не смогу промышлять своими мутными делишками, даже на остров ходить. А я то наивно решил, что переиграл маму в этом раунде. Идиот. Сам виноват.

Мэл с порога принялась ехидничать:

«Это будет отличное лето, да, Ит? Что-то ты не больно рад меня видеть».

Добро пожаловать в грёбаный ад.

16 июля 2004.

Прошла только неделя, а я уже подумываю, не спустить ли Мелиссу с лестницы и обставить всё, как несчастный случай.

Она не понимает вообще никаких слов. «Я занят». «Мне нужно читать книги на будущее для колледжа», «Оставь меня в покое», «Свали к чёрту» – я как со стеной разговариваю.

Мэл убеждена, что у меня есть какой-то секрет, о чём завела речь в первый же день своего пребывания здесь. Она пригрозила, что любой ценой докопается до правды. Не обошлось и без нелепых шуток про Луизу и требований рассказать, почему в прошлом году я интересовался зеркалами.

Попросил оставить уже эту тему. Забыли про зеркала, а заодно и про Луизу. Скабрёжности Мэл давно утратили актуальность. Но это её не остановило от дальнейших словесных пируэтов.

Интересно... садовник расскажет маме, если попросить у него консультации, где в саду лучше выкопать могилу для этой полоумной?

Ненавижу.

18 июля 2004.

Я больше не могу.

Или я сойду с ума, или правда прибью эту дрянь. И маму заодно, за насмешливую, покровительственную улыбку, с которой она наблюдает за нашей грызнёй. Всё хочу с ней поговорить, спросить, зачем она устроила мне такую развесёлую жизнь, но не могу, потому что Мэл постоянно где-то поблизости и держит ухо востро.

Я всё же пошёл на остров. Долго умывался холодной водой, остужая голову, и даже река меня бесила меньше, чем обитатели нашего дома.

Пришла Джуди, но пришлось её расстроить: я не в настроении читать. Я попросил её рассказать что-нибудь про её дела, чтобы отвлечься.

Болтовня мелкой меня немного успокоила. Всё-таки, пока я слушаю про чужую нормальную жизнь, даже моя собственная не кажется такой безумной.

Джуди с «мамой Сэнди» ездили в Албург-Дюнс, ей там очень понравилось. А ещё она поругалась с какой-то подружкой, но я толком не понял, что они не поделили. Мы давно не виделись, у Джуди накопилось много новостей, так что она сильно частила, выплескивая всё разом. Она привыкла, что я охотно её слушаю, но о себе говорить не люблю.

Мэл подкараулила меня в саду.

«Что за девчонка?»

«Просто соседская девчонка. Прилипла ко мне, жалко её послать, пытаюсь быть вежливым».

«Итан Уокер и вежливость? Я такое хамло, как ты, в жизни не встречала. А ну, колись, зачем тебе это понадобилось? Сколько ей лет, уж не собираешься ли ты её трахнуть? Она же мелкая, это куда хуже, чём дрочить на Луизу!»

Мелисса перегнула палку, за что поплатилась. Я хотел её ударить, но в последний момент опять подумал про её чертову мамашу и ограничился тем, что потряс за плечи.

«Мэл, ты совсем ебанутая?! Что ты несёшь?!»

Она испугалась, поняла, что перестаралась. Но она слишком вредная, чтобы признать свою ошибку.

«Только попробуй сказать Лорне» – пригрозил я, – «Я тебя убью. Без шуток».

После этого Мэл какое-то время благоразумно старалась не попадаться мне на глаза. Я так разозлился, что готов был по-настоящему расправиться с ней голыми руками и прикопать в саду.

Увы, до её отъезда мне на остров путь заказан. Хреново, что она вообще видела Джуди.

25 июля 2004.

Я весь извелся. Всё ломал голову, как выкрутиться, что со всем этим делать. Очень внимательно присматривался к Лорне, мельчайшим деталям в её поведении и мимике, но пока тревожных звоночков не заметил. Мэл ещё не доложила, но боюсь, что доложит. Сама Мэл основательно так притихла. Дурной знак.

Это же надо было такое сказать! До сих пор перевариваю её гадкие слова и диву даюсь. Пусть сколько угодно злословит про Луизу и мою былую в неё влюбленность, но приплетать невинного ребенка – перебор. Как ей вообще такая мерзость в голову пришла? Вот уж не думал, что Мэл такая. Такая же гнилая, как все ведьмы, но, видимо, это так. Я сильно заблуждался на её счёт.

Она посмела посягнуть на единственное, наверное, светлое и чистое, что есть в моей жизни, вывалить это в грязи.

Зачем, господи? Что ей сделала маленькая девочка? Она то в чём виновата?

Ненавижу грёбанных ведьм.

В кои то веки начинаю понимать Иеремию Мерсера. Если его жена тоже была одной из них, то немудрено, что он её грохнул.

28 июля 2004.

Мэл всё-таки приползла извиняться. Не уверен, что она искренне раскаялась за свою идиотскую выходку, скорее просто устала от напряжённой обстановки, воцарившейся в доме.

Подловила меня в саду, присела рядом на скамейку, но сохраняя дистанцию, даже не соприкасаясь со мной плечом.

«Я тут подумала...»

Подумала она.

«Короче... Извини, Ит. Я, кажется, сморозила какую-то глупость. Вовсе я тебя ни в чём таком не подозреваю...»

«Извини» было бы вполне достаточно, но Мэл продолжила:

«Просто мне показалось странным, что ты разговариваешь с той девчонкой. Я не сказала Лорне, если что, как ты просил».

Просил? Если быть точным, то я пригрозил, что убью её, если вздумает проболтаться. Ну да ладно.

Сказал, что окей, забыли. Не её, в сущности, дело, с кем я тут вообще разговариваю. Если Мэл забыла, мы не ведём такой отшельнический образ жизни, как они в своём Ковене. Мы прикидываемся простыми смертными, потому поддерживать общение с соседями по пригороду – совершенно нормально. Я с тем же успехом мог заговорить с кем угодно, не только с «какой-то девчонкой». У нашей семьи приличная репутация, на ней не в лучшую сторону скажется, если я начну слать случайных людей направо и налево. Наши предки приложили кучу усилий, чтобы их уважали в Салеме. Это куда энергозатратнее, чем просто спрятаться от всего мира в лесу, но даёт массу преимуществ.

Я не просто так об этом заговорил, ведь успел продумать тактику поведения с Мелиссой, чтобы больше не возникало подобных инцидентов.

Мэл согласилась. Да, для неё все это крайне непривычно, у них другие порядки, оттого она и «погорячилась». Она размышляла на эту тему, времени у неё было предостаточно. Ей вообще нравится, как мы живем. Она завидует. Сама честно это признала. И вдруг попросила:

«Слушай, давай, пожалуйста, не будем больше ссориться из-за ерунды. Нет севера и юга. **Есть я и ты.** И наша дружба. Я не хочу её потерять».

Это было сокрушительное признание, но она для пушшего эффекта ещё и за руку меня взяла.

Кажется, Мэл говорила от всей души. И мне стало ужасно стыдно за то, как я собираюсь с ней поступить. Но я пообещал, что да. Это неизменно – наша дружба. Даже после Посвящения.

30 июля 2004.

До того разговора в саду я размышлял, как бы избежать новых конфликтов и усыпить бдительность Мэл, раз уж она будет болтаться здесь до сентября, и вот что придумал:

У всех нас есть уязвимые места. Мэл слаба тем, что завидует «простой человеческой жизни». Она хоть и ведьма, но при этом всё-таки ещё и девчонка, а потому романтизирует многие вещи. Они любому показались бы сущими глупостями, но ей это важно. Она устала от постоянных запретов и правил. Её держат взаперти в логове ведьм, где нет ни электричества, ни телека, ни интернета; заставляют целыми днями упражняться в колдовстве и штудировать пыльные фолианты. Я уверен: она мечтает о другом. Мечтает почувствовать, каково быть обычной смертной.

Если я хочу обратить врага в союзника, то я покажу ей, как это. Позволю, пусть и ненадолго, но претворить фантазию в жизнь. Ненавижу себя, но выхода нет. Да и она... получит свою выгоду.

Для начала я рассказал Мэл кучу сказок про Л.А., расписал в красках, как чудесно проводил там время. Про пляжи, съемки кино и роскошные виллы, так непохожие на привычные нам жуткие старые особняки. Дома, сотканные, кажется, из воздуха и солнечного света, с огромными окнами и видом на океан. Про мир, где можно всё – наркотики, алкоголь, секс и грандиозные вечеринки, как перед концом света.

Я так увлёкся, что почти сам поверил в то, что говорю. Мэл развесила уши. Проглотила наживку. Но это ещё не всё.

Я сказал, что здесь, конечно, не Калифорния, но мы и в Массачусетсе можем отлично «развлечься». Мелисса права, хватит нам грызться из-за мелочей, когда её ещё сюда так надолго отпустят. (Кстати, почему её вообще отпустили?). Этот вопрос она проигнорировала, но идею поддержала.

Моя тачка привела Мэл в щенячий восторг, но это и рядом не стояло с её ликованием от предложения прокатиться к заливу. Не Сан-Диего, но сойдет. Плавать всё равно не умеем ни я, ни она, так что без разницы, на какой водоём тарашиться с берега.

По пути мы заехали в кино, в молл, и в популярную забегаловку с фастфудом.

Мэл призналась, что никогда не была так счастлива, даже в свой день рождения. Их южанки, как правило, вообще не отмечают, потому праздников по случаю не организуют, подарки друг другу не дарят.

Какие же они чокнутые! Неудивительно, что Мелисса так радуется мелочам.

Для неё это не мелочи, а предел мечтаний сопливой девчонки: потащиться куда-то на машине с парнем постарше, в какое-то красивое место, пить пиво на берегу, жрать вредную еду, слушать музыку. Она, наверное, мне этого во век не забудет, теперь будет плясать под мою дудку, как миленькая.

Я правда это написал? Или моей грёбанной тетрадью завладела Лорна и вписала в неё эти гадкие слова?

Мне вдруг стало жаль не только Мэл, но и маму. Как же трудно так жить! Взвешивать каждое слово, чтобы использовать его как оружие. Просчитывать всё на два, на три шага наперёд, предугадывать чужие мысли, реакции и поступки. Использовать изъяны других себе на пользу, а из себя изживать малейшую слабость. Контролировать всех и вся. Скрывать свои чувства. Выжигать чувства, если они мешают делу.

Наш мир уродлив. В нём нет ни любви, ни настоящей дружбы, ни родственных связей. Даже с мамой мы, по сути, друг другу чужие, но, как она сказала... «на одной стороне».

Я не до конца понимаю, за что мы платим такую высокую цену. От магии никакой пользы. Она скорее проклятие, чем дар.

Но к чему я это... пока мы сидели на заливе, всё было хорошо, но Мэл вдруг полезла ко мне целоваться. Явно не из благодарности за устроенный «праздник». Она как-то по-своему всё поняла. Извинилась, увильнула от прямого объяснения своего порыва, но теперь я не могу выбросить это из головы.

Страшная неловкость преследовала нас всю дорогу домой. Мы молчали, игнорировали присутствие друг друга в тесном салоне автомобиля. Но больше не вернулись к этой теме, потому что Лорна ждала нас... с сокрушительными новостями. Конечно, мы с Мелиссой тут же позабыли о недосказанности между нами.

Лорна сказала, что мама Мэл умерла.

5 августа 2004.

Сложно поверить в то, что это действительно произошло. Верховная юга казалась... неуязвимой, вечной, бессмертной. Так и вижу Аманду Макбрайд всё еще живой, с её странной

внешностью, неоново-зелёными глазами, неестественно вытянутым телом и крючковатыми пальцами. Не могу представить её мёртвой. Не в гробу, нет. Южных ведьм не хоронят, после смерти их предают огню.

Я допытывался у Лорны, что же случилось, но, конечно, она не расщедрилась на подробности. Мертва, но не без чужого вмешательства – вот и всё, что мне нужно знать. У Верховной юга была куча врагов. Её многие ненавидели. Неудивительно, учитывая, как она обращалась даже с собственной дочерью!

Мелисса пока останется здесь. Лорна не пустила её на прощальный обряд, сказала, что безопаснее для Мэл будет задержаться в Салеме.

Она... убита горем. У неё не было другой матери, она любила и такую, жестокую, холодную тварь. Сейчас Мэл совсем не разговаривает, хотя реветь уже перестала, ходит по дому ночами, не спит и почти не ест.

Я пытался впихнуть ей успокаивающие снадобья или антидепрессанты, но она от всего отказывается. Мама пригласила ту тётку-психотерапевта, к которой когда-то таскала меня, но пользы из её визита не вышло. Мэл наотрез отказалась с ней беседовать, хлопнула дверью у неё перед носом. Попросила оставить её в покое. Ей нужно побыть одной.

Пытаюсь понять, что она чувствует. Чтобы я почувствовал, если бы умерла Лорна? Смог бы я с этим справиться? Наши отношения не назовешь тёплыми и доверительными, но всё недомолвки отступают перед лицом таких ужасных вещей, как смерть. Меня парализует от мысли, что её не будет совсем, что однажды она просто перестанет существовать.

Это неотвратимо случится. Все мы смертны, конец – лишь вопрос времени, но можно ли как-то себя к нему подготовить?

Лорна права, привязанности делают нас уязвимыми. Чувства делают нас уязвимыми. Теперь я понимаю, почему она предпочитает сохранять дистанцию даже со мной. Всё предстает в ином свете. Она ведь потеряла брата, будучи совсем юной, очень рано столкнулась со смертью. Должно быть, именно тогда она и ожесточилась.

Небытие не принимает откуп слезами и всё равно заберет у нас всех.

Нужно просто сделать так, чтобы стало не жалко отдать.

6 августа 2004.

Пока Мелисса погружена в свою скорбь, а Лорна порхает вокруг неё, как заботливая курица-наседка, я оказался предоставлен сам себе. Потому уличил минутку, чтобы сходить на остров.

Джуди обиделась, что я стал редко там появляться. Она рассчитывала, что мы будем проводить также много времени вместе, как и в прошлое лето. Странно, конечно, будто у неё нет других дел. Но я всё же оправдался, сказал, что у нас в гостях дальние родственники (а Мэл мне почти как сестра), они требуют много внимания, вот и не выходит приходить чаще. Осенью всё будет иначе, клянусь. И зачем клясться, если не сможешь исполнить? Но не хотелось её расстраивать. Да и я не оставил намерение разгадать секрет перемещений Джуди между мирами, просто... сейчас не до этого.

Зря я, конечно, пошёл на остров. Лорна поджидала меня в саду. Я испугался, что она всё знает и сейчас заговорит про Джуд, но обошлось. Мама выглядела очень серьезной и будто напуганной.

«Можно тебя попросить пока прекратить свои прогулки к реке? – спросила она, – и вообще не покидать особняк без особой необходимости».

«Это ещё почему?»

Вот тут то и вскрылась неприятная правда, которую она изначально хотела от меня утаить, но всё-таки после долгих торгов с собой решила озвучить.

Лорна думает (и не только она), что Верховную юга убил тот черноглазый урод.

В подробности сделки никого не посвящали, но все видели, что что-то идет не так, что-то назревает. Поговаривают, что мать Мэл отказывалась исполнить обещанное по договору. Она предполагала трагичный исход, потому и позволила Мелиссе поехать к нам. Мэл стало небезопасно оставаться на юге. До неё добрались бы или тот монстр, или... свои. Там сейчас передел власти, а Мэл – законная наследница титула Верховной.

Лорна боится, что черноглазая тварь нагрянет к нам, будет охотиться не за Мелиссой, так за мной. Никому неизвестно, куда он делся после смерти хозяйки и что затевает. Его все ищут – и наши, и южанки, и вампиры, но его и след простыл.

Я самонадеянно заявил, что спущу с него шкуру, если покажется, на что Лорна лишь посмеялась.

Разговор выдался не из приятных, но, что хорошо, в кои-то веки мы по правде были на одной стороне, не ругались и не предъявляли друг другу претензии.

Лорна попросила меня «присмотреть» за Мэл. Сейчас она лёгкая мишень.

Мама ещё не решила, что с ней делать, но намекнула, что Ковен Салема не горит желанием принять в свои ряды ведьму с юга. Они пока терпят присутствие Мэл, но, возможно, потребуют выслать её обратно. Им не нужны чужие проблемы, как и непонятный монстр, рыскающий в поисках Мэл по нашей земле.

Нет, Лорна понятия не имеет, кем он был. Верховная держала всё это в строжайшей тайне. Но, мама подчеркнула, он крайне опасный тип, раз сумел укокошить могущественную, поистине легендарную колдунью. Она посоветовала мне, в случае чего, не геройствовать, а спастись бегством. У меня нет шансов в схватке с ним. Она добавила, что я хоть и одарён магией, но мои способности весьма посредственные.

Мило, спасибо, что в меня веришь, мам.

7 августа 2004

Пообещал Лорне не ходить на остров, но всё-таки пошёл.

Её слова меня серьёзно обеспокоили – если по округе бродит кровожадный черноглазый козёл, он может добраться и до Джуди. Надо её предупредить, попросить... что? Сидеть в своём мире и не высовываться? Как я это объясню?

Не важно, я решил придумать на месте. Поругаюсь с ней, в конце концов, чтобы отбить желание таскаться к реке. Вполне в духе Джуди чего-то не делать из чистого упрямства. Характер у неё ещё тот, хотя она не такая вредина, как Мэл.

Джуди не оказалось на острове, а я прождал почти час, психуя всё больше. Вдруг я опоздал и он уже что-нибудь с ней сделал? Тут моя фантазия зашла в тупик. Ладно ещё Верховная юга, но ума не приложу, чего монстру могло понадобиться от девятилетней девчонки. Из другого измерения.

Даже если с ней что-то стряслось, я не узнаю, ведь понятия не имею, как попасть на ту сторону. И... я никак не могу повлиять на её судьбу, хотя мне и кажется, что я несу за неё ответственность.

Эти мысли сведут меня с ума. Остаётся только надеяться, что с Джуди всё хорошо. Пока больше никакого острова. И... в Новый Орлеан соваться нельзя.

Что-то подсказывает мне, что мы с черноглазым ублюдком ещё встретимся, но глупо торопить события и нарываться самому.

20 августа 2004.

Мэл потихоньку оттаивает, хотя теперь она лишь тень себя прежней. Она сильно похудела, зачем-то обрехала волосы и ужасно бледная, но изменилась не только внешне. Она словно повзрослела на целую жизнь, как минимум, перестала на каждом шагу демонстрировать свой мерзкий характер.

Это в лучшую сторону отразилось и на наших отношениях – мы больше не грыземся по поводу и без. Подколы и глупые шуточки закончились. Мэл вообще почти всё время молчит, говорит только по делу, тихо и кратко.

Мне больно на неё такую смотреть, но я без понятия, что с этим делать. Она наотрез отказывается обсуждать свою потерю. Тема её матери под строжайшим запретом.

Впрочем, не сразу, но я всё-таки нашёл к ней подход.

В какой-то момент мне надоело слушать, как она ночью блуждает по дому, и я позвал её к себе. Мэл сначала ощерилась, спросила, чего мне от неё надо, а я предложил просто посмотреть вместе кино на ноутбуке. У меня скопилось много дисков с фильмами, я их уже, конечно, тысячу раз смотрел, но ради неё могу и пересмотреть, она их точно ещё не видела. Мэл – это Мэл, она заявила, что ей такое не интересно, что за глупости я ей предлагаю, но всё же осталась.

Мы стали смотреть какой-то фильм, но я вдруг понял, что она что-то говорит, неразборчивым шёпотом. Поставил на паузу, переспросил.

«Что будет, если я умру?»

«В смысле? Есть много разных теорий, и у простых людей, и у магов...»

«Да я не об этом, Ит. Что с тобой будет?»

Станный вопрос, но, признаться, я об этом много думал, с того момента, как всё случилось с её матерью. Как отреагирую на смерть Лорны, Шейна, Мэл или Джуди. Впрочем, Джуди уже умирала, и мне было хреново, оттого с ней ответ очевиден.

Я решил, что можно позволить себе говорить с Мэл откровенно:

«Мне будет плохо, вот что. А если умру я?»

«Да, мне тоже. Будет очень больно».

Я всё ждал каких-то ещё слов, но она умолкла. Мы продолжили смотреть кино, как ни в чём не бывало, и вскоре Мэл уснула в моих объятиях. Ненавижу прикосновения, все эти глупые нежности, но что поделать. Я порадовался, что она наконец-то нормально спит, а не бродит по дому до самого рассвета.

В итоге она стала приходить ко мне каждую ночь.

30 августа 2004.

Вполне ожидаемо, что совместные ночёвки привели к тому, что мы снова переспали.

Все вышло куда удачнее, чем раньше, возможно, потому, что никто из нас не ставил себе цели доказать что-то другому. Мэл, наверное, нуждалась в тепле, в какой-то отдушине.

Одним разом, конечно, всё не ограничилось. Мы основательно увлеклись, впали в какую-то эйфорию от новизны ощущений, от того, что теперь всё по-взрослому, а не как в наш дурацкий первый раз. Прямо как в фильмах со всякими поцелуями, предварительными ласками и разными позами. Только аккуратно, чтобы без последствий, и в полной тишине, а то мама спалит.

Но эйфория прошла, нагрянули чувство вины и ужас. Я стал сверлить себе мозг, что поступаю гадко по отношению к Мэл, пользуюсь тем, что она в полном раздразе и не ведает, что творит. Я всерьёз обеспокоился, как это скажется на нашей дружбе.

Мэл почувала, что со мной творится что-то неладное и завела об этом речь. Выслушав мои опасения, она посмеялась, но как-то нервно.

«Да ладно тебе. Дружбу сексом не испортишь».

Но она лукавила. Я догадался, что для неё происходящее между нами больше, чем просто секс. Вот это и плохо. Потому что для меня всё по-другому. Спросил, но осторожно:

«Надеюсь, ты себе не воображаешь лишнего?»

Мэл это страшно задело. И мы опять поругались.

1 сентября 2004.

Лорна в курсе, не знаю, как давно. Наверное, проследила, куда Мэл ходила ночами.

У мамы всегда всё схвачено, она ничего не упускает из виду. Она просто позволяла этому происходить, потому что примечала в этом какую-то пользу, одной ей понятную. Выгадав момент, когда Мэл не будет поблизости, она раскрыла карты.

«Они её не примут, Мелиссу. Если бы это была другая ведьма с юга, они бы ещё смирились, но она Макбрайд. Для них это оскорбление».

Я спросил, к чему она ведёт. Я был не в настроении выслушивать долгое вступление.

«Но ей нельзя туда возвращаться, её убьют. Есть один способ оставить её здесь. Конечно, будет скандал, но им некуда будет деваться. Они уважают нашу семью...»

Я всё понял. До моего совершеннолетия по меркам «Незримого» мира осталось несколько месяцев, до Посвящения тоже.

«Ты хочешь, чтобы я на ней женился. Верно?»

«А разве ты этого не хочешь?»

«Не важно, чего я хочу».

Я уже собирался уйти, чтобы как следует обдумать новость в одиночестве, а заодно разбить кулак о стену, пока никто не видит, но Лорна, оказывается, не всё сказала.

«Но ей будет запрещено колдовать. Ей это, наверное, не понравится».

Ох, как не понравится! Не завидую гонцу, что принесет Мелиссе эту «благую» весть. И, кажется, то буду я. Так что к разговору с ней предстояло морально подготовиться.

3 сентября 2004.

Было так погано на душе, что я не устоял перед искушением пойти на остров. Почему бы и нет? Про черноглазого гада давно ничего не слышно, да и за мной больше никто не следит. Лорна занята своими делами, Мэл... после той ссоры меня избегает, благо особняк большой и это не составляет никакой трудности.

Я не сильно рассчитывал, что Джуди придёт, но она всё-таки нашлась на месте. Робко спросила, уехали ли наши гости, буду ли я теперь чаще здесь появляться. Пришлось её расстроить – гости ещё задержатся, но, надеюсь, недолго.

Враньё.

Скоро мне станет ещё сложнее сюда «вырываться», ведь за мной будут следить уже не одна, а целых две навязчивых ведьмы. Одна из которых вскорости станет моей женой. Кошмар, даже писать это странно.

Я учусь «держат лицо», как это делает мама, так что мы с Джуди просто мило, вежливо поболтали и разошлись.

8 сентября 2004.

Я всегда спокойно относился к мысли, что однажды мне, как и всем в нашей семье, придётся жениться для выгоды. Это было чём-то далеким, оттого не ощущалось во всей своей остроте, не казалось мерзким и неправильным. А теперь стало вызывать резкое чувство протеста.

Но, может быть, это не так плохо, как кажется? Всё-таки Лорна навязывает мне не какую-то абстрактную бабу, а Мелиссу. Мы друзья, можно сказать, выросли вместе. Не чужие друг другу.

Вот я и понадеялся на взаимопонимание с ней, но то было наивно. Ужасный вышел разговор. Мелисса сначала вообще пыталась выдворить меня из комнаты, но, когда услышала причину визита, расхохоталась в голос.

Вывалил на неё всё разом, оттого получилось путано и скомкано. О том, что ей нельзя возвращаться на юг, да только и здесь ей не рады, но мы с мамой придумали, как ей помочь. Если она станет частью нашей семьи, то Ковен примирится с её присутствием. Да, ей придется «завязать» с колдовством и вести обычную жизнь, как она сама того хотела, но плата вполне разумная. Я её не обижу и другим в обиду не дам... и...

Мэл страшно разозлилась. Не позволила мне и дальше путаться в словах, перечисляя свои беспомощные аргументы. Сказала язвительно:

«Ах, какое благородство! Потрахались пару раз — и ты уже, как истинный джентльмен, спешишь на мне жениться? Вот это, я понимаю, воспитание. Или ты просто боишься расстраивать мамочку, чтобы не получить ремня за свои проделки?»

«Да при чём тут Лорна, при чём тут я? Мэл, тебе угрожает реальная опасность, прекрати торговаться...»

«Чтобы что? Трусливо спрятаться у Лорны под юбкой, как это делаешь ты? «Завязать с колдовством», серьёзно, Ит? И стать твоей подстилкой, инкубатором для чёртовых Уокеров? О, какая честь! А меня вы спросили, чего я хочу? Так слушай: мне это не всралось, ты мне не сдался! Не выдумывай себе того, чего нет. Мы просто спали. Всё».

Мы наговорили друг другу кучу гадостей. В конце концов я назвал её упрямой дурой и ушёл.

Всё ещё пытаюсь понять, почему Мэл так разошлась, да не могу.

Чего она ждала от меня услышать? Что всё это по большой любви, а не ради её спасения? Я не собирался ей врать. Мы, опять же, не чужие друг другу. Она заслужила знать правду, как всё обстоит. Она должна была, как настоящая ведьма, холодно и рационально оценить все перспективы, взвесить «за» и «против». А не воображать себе всякие романтические глупости.

Её убьют, стоит ей вернуться в Луизиану.

Неужели Мэл этого не понимает?

Я понимаю. Но, видимо, никак не смогу этому помешать.

10 сентября 2004.

Я попытался ещё раз переговорить с Мэл, но она уже всё решила. Она послала меня в таких выражениях, которых я прежде не слышал, и неизвестно где их вообще понабралась девчонка, выросшая в закрытом обществе чванливых ведьм. Для пущего эффекта она ещё и запустила *ignis pila*, но не в меня, а в стену рядом.

Тогда за дело взялась Лорна, и случился грандиозный скандал. Честно говоря, даже приятно послушать, как мама орёт на кого-то другого. Но и ей не удалось достучаться до Мэл. Она во всей красе продемонстрировала свой стержневой характер, которому позавидовала бы и её покойная мамаша.

Она возвращается в Луизиану. И точка. И видеть она никого из нашей семейки больше не желает. Напоследок Мэл ещё и высказала всё, что о нас думает в самых оскорбительных формулировках.

Я, по её мнению, «маменькин сынок» и «бесхребетное чмо». А Лорна... просто «шлюха, которая наблядовала себе ребёнка и теперь вертит им, как ей вздумается». Тут мне всё же пришлось вмешаться, удержать маму, чтобы она не воспламенила Мэл взглядом.

И зачем я только «по большому секрету» рассказал Мелиссе про Шейна? Догадывался, что рано или поздно она использует эти сведения против меня... Но я верил, что мы друзья, что я хоть сколько-то, но могу быть с ней откровенным. Святая наивность.

Лорна бросила Мэл в след, что она «доиграется в злобучего Гамлета и тупо сдохнет».

Впервые слышал, чтобы мама использовала такие словечки, так что обведу сегодняшнюю дату в календаре, как день знаменательного исторического события.

Мама ещё сказала:

«Ноги её здесь больше не будет. Она не заслуживает чести войти в нашу семью».

Ага, честь.

Но я глубоко задумался над её словами, потому что они, вернее то, как они были произнесены, показалось мне очень странным.

Не в сердцах, а с... удовлетворением.

17 сентября 2004.

Лорна никогда, наверное, ещё не была такой милой и заботливой, как в первую неделю после скандала с Мэл, — всё порхала вокруг, по сотню раз на дню спрашивала, как я себя чувствую, что у меня с настроением, что я собираюсь сегодня делать.

Она перестаралась. Я давно начал что-то подозревать, так что не стоило особого труда подыграть и вывести её на чистую воду. Всего-то надо было сказать, что я хочу связаться с Луизой, чтобы аккуратно разузнать о дальнейшей судьбе Мелиссы. Типа я беспокоюсь о ней. (И правда беспокоюсь, не смотря на всё).

Вампирша точно знает. Она чутко следит за всем, что происходит в Луизиане. Она не симпатизирует южанкам, но вынужденно общается с ними из-за тесного соседства. Чистая политика.

Лорна на это испустила очень драматичный вздох. Потрепала меня по волосам. Она всегда так делает, когда хочет выразить сочувствие. Не знаю, с чего она взяла, что это работает, меня больше напрягает.

«Ох, милый. Не думай о ней. Она ужасно с тобой поступила... Она заслужила свою участь, ведь могла остаться с нами, но отвергла тебя».

Ага, попалась.

«Отпусти. Пусть это станет тебе уроком».

И началось: нам нельзя ни к кому привязываться, тем более к нашим врагам. Мэл – враг. Да, «первая любовь» вскружила мне голову, и я позабыл, кто Мелисса на самом деле, но она — чёртова Макбрайд. Женщины её семьи веками верховодили югом, как мы севером. Не вышло бы никакого гармоничного, плодотворного союза. Нельзя взять и зачеркнуть давнюю вражду, мы не в пьесе Шекспира...

Она ошибается. В пьесе. Дерьмовой, грошовой пьесе.

Вот как, значит, Лорна себе всё это представляет: выдумала какую-то влюбленность с моей стороны и искала способ её «вытравить». Ей изначально было плевать на Мелиссу, но она углядела возможность столкнуть нас лбами, рассорить раз и навсегда.

Лорне тоже не нравилась наша дружба, никогда не нравилась. Только методы у неё куда изощрённее, тоньше, чем у покойной матери Мэл. Там, где Аманда запрещала, Лорна дала «своё благословение». Потому что знала, как отреагирует Мелисса, что её оскорбит предложение отказаться от магии.

«Ты даже не спрашивала Ковен на счёт неё, верно?»

Лорна изумлённо заморгала. Типа она понятия не имеет, о чём это я.

Конечно нет. Мама и есть Ковен. Ковен пляшет под мамину дудку, они не посмели бы ей возразить, предложи она им хоть голыми пробежаться по городу или совершить массовый суицид. Она здесь закон. Она грёбанный диктатор. Я думаю, остальные ведьмы остерегаются ей перечить из-за её способностей.

«Ты ошибалась. Нет у меня никаких чувств, и к тебе тоже. Впрочем, есть кое-что. Я тебя ненавижу».

«Итан...»

«Да пошла ты нахер».

Это и правда станет мне уроком.

1 ноября 2004.

В этом году на Самайн в Луизиану поехала Вирджиния Уйат.

Лорна, ожидаемо, остереглась там появляться, навязывала исполнение «почётной» обязанности мне, но я послал её подальше.

Мы с сентября практически не разговаривали, но я постоянно чувствовал её полный осуждения взгляд.

Я догадался, что её предложение поступило не просто так. Это – часть урока, чтобы закрепить «пройденный материал». Я должен был своими глазами узреть последствия допу-

щенной оплошности. Бесспорно, искушение всё-таки поехать и найти Мэл, попытаться честно с ней поговорить, было огромным, но... я сомневался, что она уцелела в борьбе за власть.

До этого дня. Сразу по возвращению в Салем Вирджиния примчалась к нам, чтобы поделиться свежими сплетнями. Ей было, что рассказать.

Мэл посетила приём у Луизы, и заявила туда в качестве новой Верховной юга.

Времени даром она не теряла – не только вернула себе власть над луизианским Ковеном, но и показательно казнила всех, кто пытался тому воспрепятствовать, обвинив их в сговоре с черноглазым монстром. Чушь, конечно, несусветная, но сёстры слишком бояться её только из-за фамилии, чтобы высказать возражения.

Мелиссе пророчат стать ещё более могущественной, грозной и устрашающей, чем её мать.

Умница Мэл. Ведь всяко лучше, чем... как она там сказала? Стать... «подстилкой» или «инкубатором». Бр-р-р. Худшей матери для ребёнка и не придумаешь.

Да никогда в жизни! Мне это не всралось, ни с Мелиссой, ни с кем-либо вообще. Нужно всерьёз озаботиться вазэктомией или магическими способами уберечь себя от такой перспективы. У южанок есть снадобье, но, вроде, оно годится только для женщин. Как бы добыть рецепт, чтобы переработать его под себя?

Пусть я буду последним Уокером и наш идиотский род, со всей его кошмарной, тяжёлой историей, скелетами в шкафах и бесконечным ужасом, наконец-то прекратит своё существование.

Уходя, Вирджиния, шепнула, что Мелисса передает мне привет. Это, конечно, не осталось без внимания Лорны. Она так... нехорошо посмотрела. И всё-таки удержалась от комментариев. Я и без того знаю, что она себе думает, хотя не умею читать мысли.

«Я же тебе говорила».

Или что-нибудь в таком духе.

21 ноября 2004.

Мы с Лорной потихоньку стали разговаривать, но недолго и на отвлеченные темы. Она всячески избегала касаться грядущего Посвящения, хотя с её стороны было бы мило приоткрыть завесу тайны и намекнуть, к чему стоит готовиться.

В последние дни она была сильно на взводе. Сорвалась на Шейна, стоило ему позвонить, чтобы справиться о моих планах на день рождения.

Лорна битый час орала в трубку без остановки, так что мне пришлось перезвонить и извиниться. Папаша не подарок, но не виноват, что угодил ей под горячую руку. Шейн осторожно спросил, не надумал ли я всё-таки вернуться в Л.А., раз с мамой творится «что-то неладное», а её саму определить в подходящее медучреждение с круглосуточным наблюдением. Для её же блага. Он, наверное, решил, что у неё поехала крыша.

Да, старик, ты прав. Она безумна. Только чокнутая втянула бы своего ребёнка в ту херню, что мне пришлось пережить по её милости.

Посвящение стало заключительным аккордом самой, наверное, поганой осени в моей жизни.

Накануне я основательно забурился в старые тексты, внимательно проштудировал и «Malleus Maleficarum», пытаясь предположить, что из себя представляет обряд, но только злился на путанную средневековую латынь, да зря нагонял на себя страху.

В одном я не ошибся: Посвящение мне не понравилось. **Я как в воду глядел.**

Мы потащились ночью в какую-то глушь. Картинка, как из фильма ужасов: между деревьев лежали полосы тумана, а лесное озеро призрачно поблескивало в лунном свете. Вокруг воды выстроились фигуры в белых одеждах, будто светящиеся в густой ноябрьской темноте.

Мама приказала мне раздеться и всучила в руки белый балахон, как и у остальных. Я уже было обрадовался, что не придется светить перед ведьмами голым задом, но, как потом

выяснилось, рано. В ответ на мой гневный взгляд Лорна шепнула, что таковы правила, деваться некуда.

Из рта шёл пар, и над поверхностью озера стелилась лёгкая дымка, вода была и то теплее, чем воздух. Слабое утешение, ведь я уже догадался, что они задумали. Мне предстояло самому проверить, какая там температура.

Да, всё так. В кустах у берега была подготовлена лодка. Мы отплыли подальше на глубину. Мама наконец-то расщедрилась на объяснения:

Эта традиция берёт начало со времён процессов над ведьмами в колониальном Массачусетсе. Такому испытанию подвергались всё, заподозренные в связи с Нечистым. Невиновные камнем шли ко дну, их праведные души прибирал к себе «милосердный» Господь, но колдуны и ведьмы всегда выживали. Вода даровала им новую жизнь. Бонусом к ней, правда, шла путевка на виселицу. (Но это я добавил от себя, мама такого, конечно, не говорила).

Какое-то безумие.

Я оценил свои шансы, как мизерные. Как минимум, я не умею плавать. Я ненавижу воду! Тем более тёмную, холодную воду, которую фантазия волей-неволей населяет мистическими чудовищами и неведомой хтонью. На дворе, на минуточку, стоит конец ноября. Утром трава белая от инея.

Но, как оказалось, это не всё. Ведьмы наказали снять балахон и сигать за борт голышом, но перед этим ещё и напялили мне на голову какой-то вонючий мешок. Он был довольно туго затянут — верёвка тут же врезалась в шею, как удавка. Недаром я упомянул виселицу.

Не знаю как, но мне удалось выплыть. Я неслабо нахлебался воды, но как-то совладал с координацией движений, хотя чувствовал, как всё сильнее коченеют руки и ноги. Тело сковал невыносимый, парализующий ужас. В такие моменты инстинкты сильнее нас. Захочешь уцелеть — шагнешь за пределы своих возможностей.

Но, кроме всплеска адреналина в крови, я не ощутил каких-то разительных перемен. Ни видений, ни голосов, ни прозрений. Передо мной не предстал Дьявол с предложением склониться, облобызать его зад и подписать кровью контракт на свою бесполезную душу.

Я был растерян и зол. Мне показалось, что во всём происходящем нет малейшего смысла. Просто придурь, как и всё, что делают ведьмы. Устаревшее, антигуманное дерьмо, придуманное исключительно ради издевательства над личностью.

Помимо купания в ледяной воде в программу входила еще и длинная, нудная речь от мамы. Я слушал её, стуча зубами, без одежды, босиком на холодной земле, мокрый до нитки, с дурацкой тряпкой на башке. Я думал лишь об одном: скорее бы это унижение уже закончилось.

С меня сняли мешок и позволили накинуть балахон обратно. Он был совсем тонкий, но я страшно ему обрадовался. Потом в дело всё-таки пошла кровь — одна из ведьм притащила из машины чашу с каким-то травяным варевом и ритуальный нож. Все по очереди порезали себе руки и смешали там кровь, мне тоже пришлось. Чашу пустили по кругу, я едва смог заставить себя отхлебнуть этой мерзости. Я утешил себя, что ведьмы не додумались добавить туда ещё какие-нибудь свои биологические жидкости, хотя пить это всё равно было сомнительное удовольствие. Там ещё была земля. Да, земля.

Мама начала:

«Мы связаны магией, отныне и впредь. Дочери... — тут она запнулась, припомнив, что система дала сбой, и в их женский клуб затесался мужчина, — и сыны великой земли Салема».

Аминь.

На этом перформанс подошёл к концу. Последующей вечеринки, как и оргии, не подразумевалось. Мне милостиво разрешили вернуться в машину.

Я завернулся в куртку и плед, врубил печь, но меня продолжало трясти, и зуб на зуб не попадал. С мокрых волос капало за шиворот. Не терпелось вернуться домой, забраться под горячий душ и сидеть там час-другой, обалдевая от жизни.

Темноту леса озарил свет фар других автомобилей – старые перечницы собрались по домам. На метлах они не летают и никогда не летали. Это всё сказки.

Скоро пришла Лорна. Она похвалила, что я «держался молодцом» и задала самый idiotский из всех возможных вопросов:

Как я себя чувствую.

Как, блядь, может чувствовать себя человек, которого загнали в ледяную воду? М-м-м. Превосходно. Пойду окунусь ещё разок, мне не хватило!

Зато я, вроде как, научился плавать. Тут хочешь – не хочешь... а научишься.

Счет такой:

Вода: Итан Уокер.

0:2.

Но только в этом мире, не знаю, как в остальных. Где-то ей таки удалось меня прикончить.

Мама сказала:

«Мне тоже пришлось через это пройти. Каждый из нас подвергается тёмному крещению».

Ну да, ну да. Тёмное крещение. Блядский цирк, а не «тёмное крещение».

29 ноября 2004.

Лорна чувствует себя виноватой.

Мы по-прежнему толком не разговариваем, но она не оставляет попыток залатать трещину между нами. Смехотворно, как пытаться склеить малярным скотчем марианскую впадину.

Она подкатывала с разных сторон. И извинялась, что не имела права поставить меня в известность о сути испытания, и неловко заговаривала, что на юге проходят не через воду, а через огонь, что куда травматичнее; и предлагала съездить к Шейну, развеяться. Мне всё это надоело, и я сказал, что лучшее, что она может для меня сделать, – оставить хоть на время в покое.

Она победила и пусть упивается своим триумфом. Я здесь, не переехал в Л.А., вступил в её секту, порвал с Мелиссой, всё, как она того хотела. Разве я не заслужил хоть немного спокойствия?

Мэл права. Как там она меня назвала? «Бесхребетное чмо».

Лорна посетовала, что я слишком «драматизирую». Но согласилась не лезть ко мне какое-то время. Слава Богу. Или Дьяволу, не знаю, как теперь будет правильнее.

Ха-ха.

1 декабря 2004.

Ну, по правде говоря, я всё же извлек выгоду из своих злоключений.

У меня был такой страдальческий вид, что Лорна сжалилась и по-настоящему отстала. И у меня появилась возможность наконец-то заняться своими делами, проверить, изменилось ли что-то после Посвящения.

Я испортил ещё одно зеркало, потом ещё одно. Никаких экстраординарных способностей, о которых мне пела Мелисса, пока так и не проявилось.

Я вообще боялся, что за время моего отсутствия отец разорвет договор найма квартиры, но у Шейна столько денег, что ему совершенно плевать, куда они утекают.

«Лаборатория» терпеливо дожидалась моего возвращения, хотя тут всё порядочно заросло пылью. После очередного провала решил устроить генеральную уборку и пока подумать, в чём причина бесчисленных неудач. И да, надо бы что-то сделать с зеркалом, которое принадлежит арендодателям. Им не понравится, что я его расколошматил, если вдруг нагрянут с проверкой.

Нашёл в справочнике контакты какой-то мастерской, заказал подходящее полотно, но пришлось ждать утра, чтобы туда поехать. Под покровом темноты меня могли бы засечь Луиза или кто-то из её семейки.

Странное местечко. И визит туда вышел очень, очень странным. Всё крохотное помещение от пола до потолка заставлено зеркалами. Мне стало жутко, а когда откуда-то появился коротышка, хозяин мастерской, я чуть с перепугу его не проклял, так тихо он подкрался. Я не видел его отражения в зеркальном коридоре, но он, наверное, привык передвигаться таким хитрым образом, выбирать нужные углы, чтобы его было незаметно. Я бы, на его месте, тоже так издевался над посетителями.

Он осмотрел раму, которую я привез, и взялся за дело. Мы с ним разговорились, пока он чинил зеркало, про всякие суеверия, обряды и гадания. Он сказал, что на досуге немного всем этим интересуется, считает себя в некоем смысле «зеркальных дел мастером». Предложил заодно приобрести у него зеркало, что к нему недавно привезли на реализацию. Оно долго пылилось на чердаке какого-то старого особняка, ждало своего часа.

Он заверил, что это «особое зеркало». Уж он то в этом разбирается, может отличить безделицу от по-настоящему стоящей вещи. Загадочно добавил, что оно мне подойдёт.

Я потом пытался найти эту мастерскую, но её и след простыл, а по телефону ответили, что я дозвонился в прачечную самообслуживания. Как будто я всё это придумал. Но зеркало осталось. Вполне реальное.

Так оно и попало ко мне.

3 декабря 2004.

Я ещё раз прошерстил доступную информацию о перемещениях между мирами и выпи-сал всё полезное. Оттого я и не исключал, что попаду в какое-то очень странное место, а не в измерение, где живет Джуди. Потому надо быть готовым ко всему.

Предметов, необходимых для первого путешествия, набралось на целый походный рюк-зак:

Нож, фонарик, небольшая аптечка, компас, счётчик Гейгера, бутылка воды, блокнот для записей, респиратор, пистолет и патроны, купленные у какого-то бандюгана. И хотя стрелять я не умею, есть вероятность, что от магии толку не будет, и понадобится какая-то альтернатива, чтобы себя защитить. Плохой сценарий, но учитывать нужно всё.

Портал был не чёрным, а серебристым, как раньше – хороший знак. Наспех обработал порез на руке, чтобы не занести туда инфекцию, и шагнул в зеркало.

Ступив на жёсткую, колючую траву, я едва удержался на ногах от нахлынувшего головокружения. Ухватился за ствол дерева рядом и стянул долбанный респиратор, в котором стало невозможно дышать. Зря я это, конечно. У меня не было уверенности, что здесь... благоприятная среда для жизни. Да и трогать тут ничего не стоит... ладно. Новичкам везёт.

Чуть перевел дух и осмотрелся:

Лес. Станный, пустой, будто мёртвый лес со всех сторон. Зеркало в простой металличе-ской раме, из которого я вышел, непонятно, как и зачем здесь появившееся. Очень тихо. Ветра нет. Ничем не пахнет. Температура никак не ощущается, хотя от дыхания идет пар.

Рассеянный свет... непонятно откуда, но вроде не темно, легкий сумрак, как в пасмурную погоду.

Я прихватил с собой и наручные часы, оставшиеся в наследство от Натаниэля. Стрелка на циферблате зависла в момент перехода, секунда в секунду.

Радиация в норме, можно не беспокоиться, что пребывание здесь убьёт меня быстрее, чем я пойму, что есть такой риск. Если, конечно, прибор в порядке, ведь с часами же что-то случилось.

Без часов сложно ориентироваться во времени, но, по ощущениям, я бродил здесь довольно долго, час или два. Я пытался уйти подальше от зеркала, но всё равно снова ока-

звался рядом с ним. Что-то чудное тут происходит со временем и пространством, какое-то искажение.

Жуткое место. Но, вроде как, опасности не представляет. Здесь нет ничего, что могло бы мне угрожать – только зеркало, деревья и трава под ногами.

Всё это выглядит, как декорации на киносъёмках у Шейна. Только кажется настоящим. Деревья наощупь твердые, холодные, но под пальцами, там, внутри, не чувствуется никакой жизни. Я срезал немного коры, чтобы забрать с собой. У меня нет познаний и подходящего оборудования для анализа, но можно поискать в интернете умельца из какой-нибудь лаборатории. Зачем? Не знаю. Неплохо бы понимать, что я правда в другом измерении, а не где-нибудь в Сибири.

Трава кажется пластиковой, как коврик для душа или те уродские половики с глупыми надписями, что соседи-мещане кладут под дверь, считая верхом гостеприимства.

Я решил, что для начала достаточно. Ещё многое стоит проверить по возвращению, если, конечно, мне удастся проделать обратный путь без эксцессов.

В первую очередь я посмотрел на часы. Время тоже, что и до моего «отбытия». Но больше я ничего зафиксировать не успел, меня резко накрыло.

Комната расплывается, очень сильно мутит, по голове словно огрели тяжёлым предметом. Жесть. Едва дополз до ванной, чтобы выbleвать всё, что ел за день. Нужно взять на заметку: ничего не жрать перед путешествиями, чтобы больше не оказываться в таком идиотском положении. Это, наверное, что-то вроде морской болезни.

Так я себя успокаивал, пока корчился на полу в ванной и пытался хоть чуть-чуть оклематься.

Часы не сломались, ожили сразу по возвращению. Для надежности я сверился с телефоном и ноутбуком. Я провалялся в ванной двадцать минут. Отходняк уж точно длился дольше, чем моё отсутствие.

Потому что я будто и не отсутствовал вовсе.

9 декабря 2004.

Меня штормило ещё несколько дней. Кажется, подскочила температура, руки тряслись, жутко болели голова и живот.

Заперся в комнате, отмахнувшись от Лорны. Мол, немудрено, что я заболел после купания в ледяной воде. Пусть не лезет со своим беспокойством, как-нибудь без неё разберусь.

Пока валялся в постели, искал в интернете того, кто расскажет мне что-нибудь про принесённую кору. Как стало полегче, сразу помчался на встречу с мутным лаборантом из какого-то бостонского колледжа, готовым за щедрую плату выполнить любую причуду. Результат должен быть готов на днях.

12 декабря 2004.

Это уже что-то.

Лаборант подтвердил мои подозрения. Образец не сопоставляется ни с одной базой данных, к которой у него есть доступ. Возможно, конечно, он меня обдурил и всё это выдумал, но я всё-таки склоняюсь к тому, что кора и правда принадлежит какому-то другому миру, не нашему. В следующий раз нужно прихватить немного травы и сдать её на проверку, очень уж она странная наощупь. Для чистоты эксперимента поищу другого умника.

Но я не знаю, когда состоится мой следующий поход в то место.

Тут загвоздка.

Моё состояние... оставляет желать лучшего. Прошло больше недели, а меня так и не отпустило. Побочные эффекты куда тяжелее, чем после первых путешествий в рамках нашего мира. Наверное, потребуется больше времени, чтобы организм адаптировался.

Меня мучают сильные головные боли, приходится закидываться тонной обезболивающего. Температуры нет, я проверил, но ломота в теле осталось. Какой-то гул в ушах, трудно

уснуть и мерещится всякая чертовщина, голоса, шаги, шёпотки. Пару раз просыпался среди ночи, и казалось, что зеркало на дверце шкафа стало чёрным и меня засасывает в эту пустоту, что оттуда тянутся, не то пальцы, не то щупальца тьмы.

Мэл ещё тогда заметила, что «что-то во мне изменилось». Теперь я и сам это чувствую, но не могу толком описать эти перемены. И пресловутое Посвящение тут ни при чём. Я вернулся из того мира каким-то другим.

Нет, это бред.

Прекрати выдумывать всякую херню.

19 декабря 2004.

Мне надоело прятаться в комнате, и я выполз на свет, хотя тут же пожалел из-за сильной рези в глазах. Все это время просидел взаперти с зашторенными окнами, обложившись книжками и ноутбуком, и хотя прислуга приносила еду, толком к ней не притрагивался.

Лорна, конечно, забеспокоилась и принялась нервно порхать вокруг. Она заметила, что у меня «нездоровый» вид. Нужно быть слепым, чтобы не заметить и бледность, и синяки под глазами, и покрасневшие склеры. Она заныла, что необходимо срочно вызвать врача.

Сказал, что мне не нужен врач, как и её дурацкие советы. У меня просто депрессия. Видеть её не желаю, лучше и дальше сидеть в комнате, плакать и дрожить. Так ей и сказал.

Лорна поджала губы, но даже орать не стала.

«Так не может продолжаться, милый. Надо что-то с этим делать».

Она всерьёз испугалась. Вот и предложила альтернативу – поехать к Шейну, может декабрьское солнце Л.А. и смена обстановки меня «излечат».

21 декабря 2004.

Мне, конечно, меньше всего на свете хотелось туда тащиться, но мама права: так продолжаться не может. Я просто сойду с ума или зачахну в своей «крепости одиночества».

Если я помру, не смогу продолжить свои эксперименты. А я серьёзно настроен «окунуться» в тот мир снова, когда полегчает.

Когда?

Перед отъездом прогулялся на остров, но не застал там Джуди. Ничего, мелкая. Я скоро найду к тебе дорогу, посмотрю наконец-то, как ты живешь.

По-маньячески это звучит, ну да ладно.

2005

1 января 2005.

Никогда.

Я НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОЕДУ В Л.А.

Ни ради прикрытия, ни во имя «смены обстановки». Ни за что! Да лучше чистосердечно покаюсь Лорне во всех своих прегрешениях, чём ещё хоть раз сунусь в этот сраный город к Шейну и его мразотной жене. Пошел он нахер. Пошла она нахер.

Собственно... в ней и заключается проблема.

В Камиле.

Всё было относительно неплохо, я смог отключить голову, но, конечно, так и не проникся образом жизни отца. Как и прежде – пьянки, гулянки, наркотики, алкоголь, шалавы, толпы непонятных личностей, отмачивающие какую-то дичь. Я пытался не отсиживаться в комнате, но и не участвовал в их увеселительных мероприятиях, наблюдал за ними, как за уродцами в бродячем цирке.

Первая неделя была только прелюдией: в канун Нового года Шейн закатил по-настоящему эпическую вечеринку, вообразив себя долбаным Гэтсби. Он, кажется, пригласил сюда весь Л.А.

Никогда не видел столько народу в одном месте.

К середине ночи стало полегче, толпа мало-помалу рассредоточилась. Кто-то ушёл предаваться оргиям в духе Маркиза де Сада в свободных комнатах, кто-то валялся в коматозе, кто-то уехал в другие места, продолжать веселье там, предварительно заблевав весь дом и уродское современное искусство в холле. Оставшиеся плясали, пили и обдалбывались дальше. Я думал, что от ора музыки у меня полопаются барабанные перепонки или вытекут мозги.

Шейна куда-то уволок лысый тип с золотыми зубами. Они занюхнули «дорожку» кокаина на дорожку тупой каламбур, запрыгнули в кабриолет отца и смылись в неизвестном направлении. Ну, я и не рассчитывал, что мы с Шейном будем зависать вместе. Мы практически не разговариваем и нас это устраивает. Отец больше не дичится, но теперь воспринимает моё присутствие как данность. С Камиллой у них также.

Я бы и сам оттуда убрался, например, отоспаться в своей «лаборатории» в тишине и покое, но побоялся лезть в зеркало. Мне... пока тревожно связываться с этими вещами, побочные эффекты ещё не сошли на нет. Да и я тоже выпил. Плохая идея колдовать в таком состоянии.

У бассейна оказалось безлюдно и не так шумно. Ночь выдалась зябкой. Здесь нет зимы в привычном для нас понимании, но «анджелинос» считают, что, если пришлось накинуть куртку, то температура уже слишком низкая, чтобы проводить время на улице. Не представляю, что стало бы с ними в Новой Англии, где в это время частенько выпадает столько снега, что можно утонуть в сугробе.

У меня был беспроектный план на остаток ночи: пить виски и смотреть на звёзды. Но до меня зачем-то докопалась Камила.

Мы обычно не общаемся. Я её раздражаю, она меня раздражает, поэтому разумно, что мы предпочитаем не замечать друг друга, даже находясь в одной комнате. А тут она нагрянула собственной персоной.

Наверное, обожралась каких-то таблеток или ещё какой наркоты.

Она развалилась на соседнем лежаке. Помолчала какое-то время, но чувствовалось, что её так и распирает от желания поговорить. Вдруг стала меня расспрашивать о жизни в Салеме, напроць игнорируя всё невербальные сигналы не лезть.

Я что-то буркнул в ответ, но она не отстала. Села, наклонилась ко мне, демонстрируя вываливающиеся из декольте силиконовые сиськи. Не мог понять, это белье на ней или всё-таки одежда, очень уж узкая полоска ткани. Ни черта не скрывает.

Камила сказала, будто задумчиво:

«Зачем ты вообще сюда приезжаешь? Сидел бы в своём лесу, волчонок».

Лорна меня достаточно колошматила, чтобы вбить хоть какие-то понятия о вежливости. Кое-как удержал себя в руках и не послал мачеху подальше сразу.

«Чего тебе от меня надо?»

«Ты странный».

Это мы уже давно выяснили, не новость. Абсолютно бессмысленный разговор.

Она сняла с себя блестящую курточку, будто ей резко сделалось душно. Осталась ну совсем полуголая, так что на неё стало стыдно смотреть.

Камила заметила, что я отвёл взгляд.

«А это по-своему мило» – прокомментировала она, – «то, что ты такой застенчивый. Вы совершенно не похожи с Шейном...»

Я прикинул, уместно ли будет скинуть её в бассейн, чтобы отвалила и перестала озвучивать очевидные вещи. Неужели у меня на лице не читается, что я не хочу с ней взаимодействовать, как она меня бесит? Раз она сегодня демонстрирует чудеса наблюдательности.

Она так сверлила меня глазами, что я не выдержал.

«Камила, оставь меня в покое. По-хорошему тебя прошу».

Она рассмеялась:

«Ты мне угрожаешь? И что ты сделаешь «по-плохому»?»

О, ей лучше не знать ответ на этот вопрос. Мне известно достаточно способов расправиться с человеком, не мараая рук, и ей крупно повезло, что наши правила запрещают использовать магию в непосредственной близости от целой толпы свидетелей. Будь мы одни в доме, я... чтобы я сделал? Правда её грохнул? Смешно. Самонадеянно. Да я даже прирезать зверушку для ритуала не смог!

Она глупая кукла, но я не вправе распоряжаться её жизнью.

«Ничего не сделаю. Отстань».

«Я тебе не нравлюсь?»

«Мне не нравится этот тупой разговор».

«Ах, вот оно что. Но мы можем провести время иначе. Не за разговором».

Она совсем, что ли, из ума выжила? Я засомневался, что Камила вообще понимает, кому такое предлагает, или переусердствовала с веществами и алкоголем и приняла меня за кого-то другого?

Взгляд у неё был подозрительно ясным. Так что, скорее всего, она просто забавлялась. Играла. Но я уже проходил это с Мэл, я решил, что больше не поведусь на грошовые провокации.

«Не можем».

Я засобирався уйти, но Камила ухватила меня за руку.

«Ты вообще был с женщиной, волчонок? Или мама не разрешает?»

«Не твоё дело»

«Тебе не интересно попробовать? Может, перестал бы быть таким хмурым. Это помогает, я знаю».

«Нет, не интересно».

То был переломный момент, ведь если бы я просто свалил, ничего бы не случилось. И я сейчас не писал бы это, сидя в аэропорту, продолжая заливаться краской от злости и стыда. До сих пор трясёт.

«Да... видимо, тебе нужна женщина постарше».

«Что, прости?»

«Понятно, ты типа, как Норман Бейтс, для таких единственная женщина – это их мать. Я об этом слышала. Как там это называется? «Эзопов комплекс»?»

Камила специально сказала неправильно, ждала, что я её поправлю, всё было написано у неё на физиономии. Я приказал себе молчать. Но точка невозврата была пройдена. Она даже Мэл со всеми её гадостями переплюнула. Побила всё рекорды. Надо же было придумать такую мерзость, чтобы добиться своего.

Добилась. У этого могло быть много разных вариантов исхода, но я, конечно, выбрал самый ужасный из них. Убийство и то было бы лучше.

«Закрой свой поганный рот».

Её «поганому» рту нашлось другое применение.

Ох...

Не знаю, что на меня нашло. Конечно, я страшно на неё разозлился, но это вовсе не оправдание. Я её не ударил, нет. Не толкнул в бассейн, хотя мог бы. А зачем-то схватил за горло, чуть придушил, но Камиле даже понравилось. Она, видимо, из тех чокнутых баб, которые любят, когда с ними грубо обращаются.

Она призывно облизнула пухлые губы.

Вспоминаю это... и мне страшно. Мне кажется, что дело не в том, что я был пьян, не в гнусных словах и ужимках мачехи. Я как будто вернулся из того мира другим. Другой версией себя, более тёмной, злой и опасной. Холод того места вьёлся в мои мозги, тьма проросла сквозь и пустила корни. Это жуткая фантазия, но у меня нет другого объяснения произошедшему. Я ведь полностью сконцентрировал своё внимание на физическом недомогании после путешествия, не учёл, что оно могло сказаться и на психике. По-видимому, сказалось.

Это не я. У меня никогда не было склонности к жестокости. Не было такого реального желания кого-то убить, растоптать, уничтожить, как в тот момент. А тут... Всё как в тумане, из которого вырываются обрывки тошнотворных образов.

Я трахнул Камилу в её поганный рот, чуть не повыдергав ей при этом все волосы. Грязно и злобно, как это бывает во всякой нездоровой порнухе с насилием. И потом ещё уткнув лицом в шезлонг, заломив руки за спину. Я был за шаг до того, чтобы сломать ей запястья, а на утро получить судебный запрет или путёвку в дурку.

Но нет, Камила этого не планировала. Её, вроде как, всё устроило. Жертвой она не выглядела, даже потом, развалившись на лежаке, в порванных шмотках и с перемазанными в сперме ногами. Она ещё растерла её по бедру и с лукавой улыбкой сообщила, что ничего, она на таблетках, последствий не будет.

«Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся».

Ещё Камила завела речь о том, что не прочь повторить, но после, а то в этот раз было «слишком агрессивно». Она достанет какую-то наркоту, под которой особенно «весело» трахаться.

Я послал её нахер и сбежал, чтобы допить вискарь и разбить кулаки о стену.

Мрак и ужас.

Я знал, что Шейн ей изменяет, что Камила платит ему тем же, но мне совершенно не хотелось становиться тем человеком, с которым она это делает.

Мэл бы надо мной посмеялась, да и Лорна... не увидела бы здесь абсолютно ничего плохого. Сочла бы своеобразной мстью. Мама ненавидит Камилу заочно, хоть никогда вживую не видела. Ей бы понравилось, что я сделал.

Я не хочу таким быть, не хочу превращаться в чудовище без моральных ориентиров. Но, видимо, поздно об этом беспокоиться. Процесс запущен. Эта тетрадь... помнит всё, все этапы моего падения.

Я сожгу этот дневник, когда страницы закончатся.

Пусть горит. Вместе со мной. В аду.

10 февраля 2005.

Тяжёлый был месяц.

Лорна пару раз заговаривала о Шейне, но я так и не нашёл в себе сил, чтобы озвучить решение прекратить с ним общение. Он и сам, конечно, не то, чтобы горит желанием... Но теперь я окончательно не понимаю, как с ним говорить, как смотреть в глаза. После того, как трахнул собственную мачеху, его жену, между прочим.

Вот я и плёл маме какие-то небылицы о том, как поеду летом в Л.А., как мне там нравится, как я мечтаю снова увидеть уродские пальмы и помпезные виллы.

Вранье высосало из меня всю жизнь и истощило запасы алкоголя в подсобке ближайшего бара.

Я забеспокоился, что опять поступаю по-скотски, на этот раз в отношении людей, которых даже не знаю, и решил оставлять на месте стащенных бутылок наличку. Сомнительная сделка с совестью. Скорее с дьяволом. Банковская карта то на имя Камилы.

Никак не мог заставить себя пойти к реке, хотя надо было проведать Джуди, вдруг она тоже надумает заглянуть в наш мир на остров. Мы с ней не виделись с осени. Но после того, что я натворил в Калифорнии, меня стала одолевать тревога вот по какому поводу:

Мне кажется, что я не могу себя контролировать. Это бред, конечно, но я начал думать, что представляю для Джуди опасность. Не знаю, какую. Просто опасность.

Утянуть её в ад за компанию, например.

Я долго торговался с собой, чтобы всё-таки с ней встретиться. Не съем же я её в конце концов!

Джуди была там. Она призналась, что сама давно не приходила, но как-то почувствовала, что сегодня найдёт меня у реки. Она скучала. Полезла с обнимашками, как она это любит делать, но я шархнулся от неё, как от прокажённой.

Нельзя прикасаться своими грязными лапами к невинному ребенку.

Это отвратительно.

Она не обиделась, привыкла уже, что временами у меня бывает ужасное настроение. Всегда.

Джуд рассказала, чем занималась на каникулах и в праздники. Она научилась кататься на коньках и теперь не хочет, чтобы зима заканчивалась. Конечно, с её грацией, она постоянно падает, а в декабре она так сильно ушибла руку, что пришлось носить гипс, но сейчас всё нормально и ничего не болит. Одноклассники и друзья писали ей на гипсе всякие пожелания, а «мама Сэнди» нарисовала корабль с парусами.

Странно, что я вообще выслушиваю весь этот бред и нахожу его по-своему милым. Возможно, я просто завидую. Хотя у кого-то из нас нормальное детство.

Впрочем, в её возрасте я тоже как-то сломал руку, сверзившись с лошади, но никаких пожеланий мне на гипсе никто не писал. Зато травма избавила меня от необходимости продолжать занятия верховой ездой и долбаным пианино, которые мне тогда навязывала Лорна в рамках «аристократического» воспитания.

На это Джуди сказала, что никогда не каталась на лошади. И ей жаль, что я забросил игру на пианино, она любит слушать музыку, но сама она слишком неусидчивая, чтобы освоить какой-нибудь инструмент, это же надо заниматься много часов каждый день. Припомнила, что видела у нас дома рояль и он «очень красивый». Она бы с удовольствием послушала, если я... что? Так и не понял её мысль. Наверное, она просто искала повода снова напроситься в гости. Увы, это невозможно. Лорне нельзя её видеть.

Мне ощутимо полегчало от нашей пустой болтовни. Общение с мелкой всегда сказывается на мне в лучшую сторону. Тени на время отступили.

Я почему-то подумал, что при ином раскладе мы не подружались бы с Джуди.

Если бы она выжила в нашем мире... ну или вообще не случилось бы того рокового дня и мы познакомились как-то иначе. Мне не удалось придумать причину, по которой я обратил бы внимание на какую-то соседскую девчонку. Я не люблю детей. Не люблю соседей. С трудом заставляю себя поздороваться с кем-то на улице. Так, скорее всего, было бы и с Джуд.

Может, Лорна приглашала бы их с миссис Дэвис на идиотские приёмы, которые она время от времени организует для соседей. Но я старательно избегаю эти сборища.

Дома стряхнул пыль с рояля, зачем-то попытался вспомнить хоть одну простенькую пьесу. Но мне помешала Лорна, явившаяся на звук. Она очень удивилась.

«Что на тебя нашло? Ты же ненавидишь играть».

«Ненавижу. Спасибо, что напомнила».

12 марта 2005.

Самочувствие пришло в норму, а в мыслях воцарился хоть относительный порядок, потому я решил, что выждал достаточно времени и можно вернуться к своим экспериментам.

Я снова оказался в лесу.

Здесь ничего не изменилось. Стрелки на циферблате по-прежнему парализованы, деревья кажутся мёртвыми, трава искусственной. Без понятия, сколько я здесь ошивался, но, по ощущениям, часов пять или шесть. И всё это время я брел прямо, дальше от зеркала в надежде найти хоть что-то достойное внимания.

Компас, кстати, тоже оказался тут бесполезен, стрелки только крутятся вхолостую. Я шёл то в одном направлении, то в другом, противоположном, но постоянно оказывался рядом с порталом.

Дерьмо.

Из плюсов: выход был менее болезненным, обошлось без тошноты, только лёгкое головокружение.

Посмотрим, что будет в третий заход.

27 марта 2005.

Лес.

Чёртов лес.

17 апреля 2005.

Больше месяца я совершал переходы через то зеркало и каждый раз оказывался в лесу. Как чёртов Данте.

Я проверил гипотезу, что каждый портал ведет в одно конкретное место:

Раздобыл ещё два зеркала, благо, в Новом Орлеане достать какой-то странный антикварный хлам не составляет особого труда. Одно совсем облезлое, потрёпанное жизнью, рама осыпается в щепки прямо в руках. Другое помоложе, помпезное, с позолотой и тошнотворными барочными ангелами, амальгама очень хорошо сохранилась. Изготовлены в разных городах, в разное время. Ничего общего между ними быть не может, кроме, разве что, магии.

Кажется, мне уже удастся отличить «особое» зеркало от обычного. От них исходит такая энергия, незнакомая, не похожая на всё, что я знаю. Но...

Итог один, и он меня страшно бесит:

Лес. И лес.

У меня есть кое-какие предположения на этот счёт, но чтобы они подтвердились, мне нужно наконец-то прыгнуть куда-то ещё, не в этот уродский мир с мёртвыми деревьями, от одного вида которых уже тошнит. Знал бы я ещё, как это сделать, но, чёрт возьми, уперся в какой-то тупик.

Версия такая: поганный лес – что-то вроде перевалочного пункта, как аэропорт? Промежуточная станция? Откуда можно двинуться дальше, когда дождешься поезда, который ходит по другой линии.

Мир между мирами?

Но пока каждая моя попытка нащупать новый маршрут неминуемо оборачивается возвращением домой.

А мой ли это дом?

Что, если я всё-таки продвинулся дальше, но сам того не понял, очутившись просто в очень похожей реальности, но имеющей какие-то незначительные отличия?

Мне нужен какой-то якорь, какой-то опознавательный знак, чтобы совсем не поехать крышей, развивая эту мысль. Что-то, на что я посмотрю и сразу пойму: ага, я там, где и должен быть.

Но об этом стоило задуматься перед первым прыжком. У меня нет уверенности, что ещё в декабре я вернулся туда, откуда ушёл изначально.

2 мая 2005.

Лорна долго ко мне не лезла, даже позволяла пропускать сборища Ковена, но ей, кажется, надоело, и она вознамерилась вернуть себе контроль над моей жизнью.

Поставила меня перед фактом: мы едем в Новый Орлеан на Бельтайн. Хватит депрессовать и сидеть взаперти, зарывшись в книги, пора уже что-то делать. И ей плевать, хочу я этого или нет. Я – часть «Незримого мира», от этого никуда не денешься. Сколько можно гонять в Луизиану Вирджинию?

На вечеринке у вампиров мы, конечно, сразу же напоролись на Мэл.

Она очень изменилась за прошедшее время – заметно похорошела и держалась с особым достоинством. С мамой они полюбовно расцеловали друг друга в обе щеки. Грёбанные лицемерки. Лорна поздравила Мелиссу с новым статусом с такой слащавой улыбкой, что захотелось блевануть в одну из ваз с заколдованными розами Луизы.

Мы с Мэл старательно друг друга игнорировали, а вот Луиза как-то странно на меня поглядывала. И тут не поймешь в чём дело: то ли она как-то прознала о моих «зеркальных» экспериментах, то ли Мелисса растрепала всему свету о моей былой «одержимости» вампиршей.

Скорее второе. Странно, что Мэл заодно не сделала сенсацию из моего происхождения. Я не удивился бы, если бы все собравшиеся принялись тыкать в меня пальцем и величать «бастардом». Им же не сообщили, что средневековые давно закончилось. Понятия у них остались на уровне тех тёмных веков.

Ох, в любом случае нехорошо.

Теперь я смотрю на Луизу и не понимаю, как вообще мог о ней фантазировать. Да, она безумно красивая. Фарфоровая кожа, глаза, как штормовое море, волосы – лунный свет, и всё в таком духе. От неё пахнет смертью и неземным колдовством, она как южная ночь на старинном кладбище. Бла-бла-бла. Лет в двенадцать я правда так думал, ну и позорище.

Но она, чёрт возьми, ребёнок.

Видимо, я повзрослел и стал воспринимать Луизу иначе. Теперь любые похабные желания, связанные с ней, кажутся противоестественными и в край нездоровыми. Это как... не знаю, начать придумывать что-то такое с участием Джуди. Мерзость.

Только Джуди однажды вырастет, а Лу будет вечно выглядеть, как девчонка-подросток. И останется такой и тогда, когда я уже давно сдохну и буду гнить в земле.

Через сто лет, через тысячу. Всегда. Странное слово, но вампиры знают толк в вечности.

Подумал, что стоило бы поговорить с Луизой, но прогнал эту мысль. Слишком опасно. Я не могу ей доверять. Я усвоил урок с Мелиссой. Я никому не могу доверять.

Никто не должен знать о моих исканиях.

31 мая 2005.

В конце весны мама снова завела разговор о поступлении в колледж. Она надеялась, что я не просто так просиживую много времени, запершись в комнате, а готовлюсь. Ну да, ну да.

Учёба могла бы стать неплохим прикрытием для моей исследовательской деятельности, но требовала бы слишком много усилий по поддержанию легенды. И пришлось бы волей-неволей, но с кем-то общаться. А я никого не хочу видеть, ну, за маленьким исключением.

Наверное, я просто боюсь. Не людей, а себя.

В каждый визит в лес между мирами я забираю немного тьмы с собой, а взамен оставляю кусочек своей души. Так мне кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.